

АЛЕКСАНДР

ЗОЛОТЬКО

ИГРА ВТЕМНУЮ

АЛЕКСАНДР

ЗОЛОТЬКО

ИГРА ВТЕМНУЮ

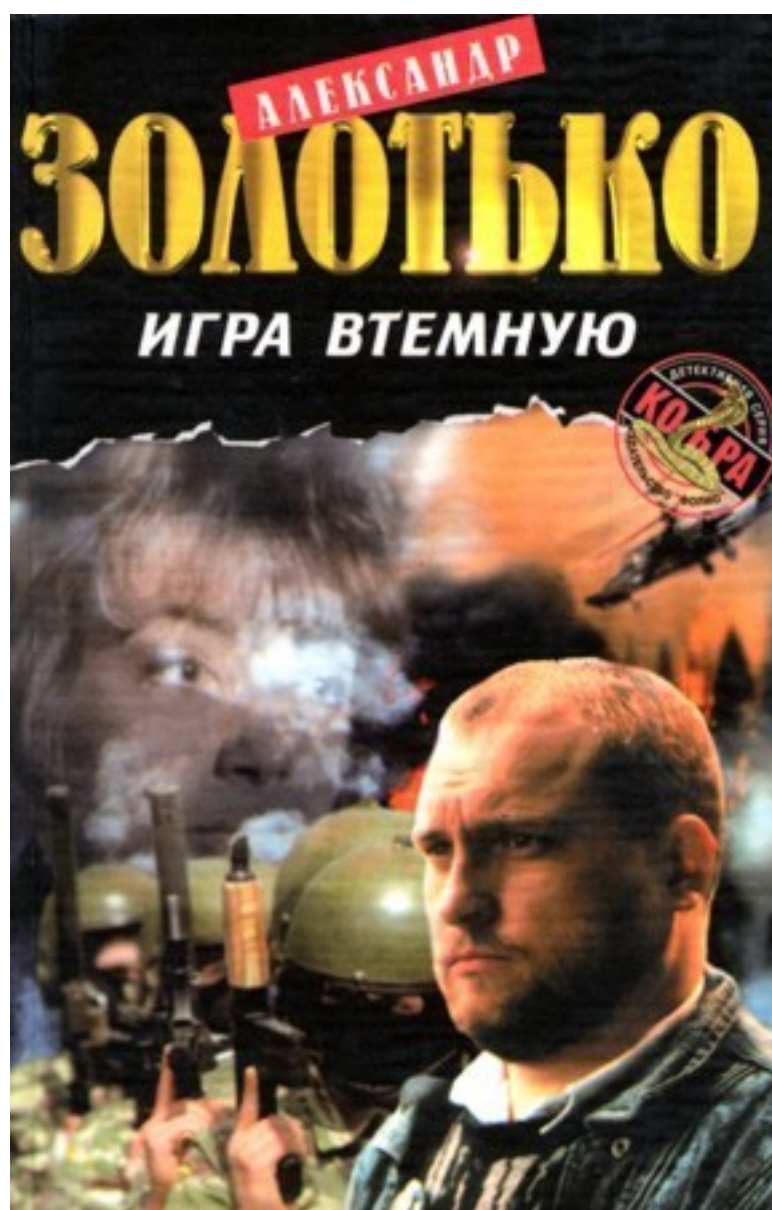
ВЕТЕРНАРИ
КОБРА
КОМАНДА

АЛЕКСАНДР

ЗОЛОТ'КО

ИГРА ВТЕМНУЮ

РЕЖИССЕР
КОБРА

Александр Золотько

Игра в темную

«Автор»

1997

Золотько А. К.

Игра втемную / А. К. Золотько — «Автор», 1997

ISBN 966-03-0164-2

Внешне ничем не связанные друг с другом события в Чечне и Боснии, в Украине и Москве предстают в романе «Игра втемную» как часть глобального плана, об истинных целях которого знают немногие. Политики и сотрудники спецслужб, уголовники и военные – все они лишь пешки в чужой «игре втемную».

ISBN 966-03-0164-2

© Золотько А. К., 1997

© Автор, 1997

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Золотько

ИГРА ВТЕМНУЮ

Вике Сафроновой с благодарностью и любовью

ЧАСТЬ 1

Глава 1

1 февраля 1995 года, среда, 12-00, Москва.

Хозяин кабинета отложил в сторону несколько сколотых листков бумаги, снял очки и некоторое время массировал переносицу.

– Как вы сами оцениваете достоверность представленной информации, Виктор Николаевич?

– У меня не было нареканий на достоверность информации, поступившей из этого источника. Мои аналитики с этим поработали и дали высокую степень вероятности.

– Вы, кстати, источник не указали, – хозяин кабинета демонстративно повертел листки в руках. – Конспирация?

– Выпустили при перепечатывании, – спокойно ответил Виктор Николаевич и выдержал взгляд собеседника. – Прикажете переделать?

Хозяин кабинета выдержал паузу. Виктор Николаевич выглядел гораздо старше своих лет. Его собеседник помнил послужной список Виктора Николаевича и прекрасно знал, что очередные звания тот получал вовсе не за выслугу лет. Точно также знал он и то, что все проблемы, возникавшие у Виктора Николаевича за время его карьеры, были вызваны вовсе не недостатком компетентности.

– Перепечатывать этого, естественно, не стоит. Лучше всего будет, если мы сведем к минимуму бумаги по этой проблеме. Какие сроки, по мнению ваших аналитиков, у нас есть?

– То, что знаем мы, позволяет ограничить сроки акции интервалом от конца мая до середины июля. Есть возможность уточнить сроки через другие ведомства. Хотя в этом случае возникает вероятность утечки. Мне необходима ваша санкция на действия в поле. Карт-бланш на Чечню и подготовительный цикл на Балканах.

– Вы собираетесь использовать наши официальные каналы?

– Сейчас в интересующем нас районе действует группа контрактников с сербским боевым опытом. Полагаю задействовать их с уровнем информированности около 0,5. Ну, и поддерживать их нашей спецгруппой.

– Помощь нужна?

– Мне нужна ваша санкция.

– А что по Балканам?

– Будем готовить новый маршрут. Старый, через Тимишоары, слишком засвечен. Кроме того, значительно уменьшился поток добровольцев. Наиболее активные переключились на Чечню.

– Хорошо, будем считать, что мою санкцию вы уже получили. Вся информация по этой операции должна поступать непосредственно ко мне. Что-нибудь еще?

– Нужно только присвоить условное обозначение. Я предлагаю «Союз», – Виктор Николаевич встал.

– Ну, «Союз» так «Союз», – хозяин кабинета тоже встал и протянул руку. – Я полагаю, результаты мы получим достаточно быстро?

– По мере поступления, Александр Павлович, – гость пожал протянутую руку и вышел из кабинета.

Александр Павлович подошел к окну и некоторое время смотрел в него, постукивая пальцами по стеклу. Затем сел в кресло и набрал номер телефона:

– У нас возникли некоторые проблемы, – сказал он, как только на той стороне подняли трубку.

– У нас все время возникают проблемы, Александр Павлович, у нас с вами работа такая. Где именно проблема на этот раз?

– Ко мне поступила информация по программе «Шок». Засвечен первый этап. Утечка, похоже, где-то возле вас.

– В таком случае, предлагаю встретиться у меня.

В семь часов вечера.

Виктор Николаевич вышел из здания, сел в автомобиль на заднее сиденье. Водитель не оборачиваясь, спросил: «Что?»

– Думаю, на днях у нас начнутся проблемы.

– На Кавказе?

– Скорее на Южном направлении. На Кавказе нам будут помогать и очень интенсивно.

– Подстраховать первую группу? Пусть работают в повышенной готовности?

– Зачем, пусть спокойно едут. Совершенно спокойно едут.

Водитель внимательно посмотрел в зеркало внешнего вида, встретился глазами с Виктором Николаевичем:

– По маршруту?

«Волга» плавно тронулась, медленно набирая скорость в сторону центра.

2 февраля 1995 года, четверг.

Напоминаю о необходимости своевременной доставки сводок Управлений Министерства Внутренних дел в центр аналитической обработки. Накопленная в течение недели информация, должна быть доставлена в пункт сбора. В связи с грифом «Для служебного пользования» на подобных сводках, избегать официальных каналов пересылки информации.

При необходимости изыскивать возможность уточнения информации через другие источники. Особое внимание обратить на средства массовой информации Украины, в целях подбора кандидатов для сотрудничества. Прямой контакт с кандидатами только с ведома Центра.

Продолжить сбор материалов из открытых источников о состоянии Вооруженных сил и военно-промышленного комплекса Украины. Нелегальную деятельность в этом направлении свести до минимума, принять меры к выявлению подобных действий с любой другой стороны. При выявлении деятельности возможны меры по ее пресечению с использованием местных структур безопасности.

Оперативную работу по возможности проводить через представителей местных криминальных структур.

3 февраля 1995 года, пятница, 11-15 по Киеву, Город.

Никогда в жизни я не мечтал быть журналистом. Даже тогда, когда в девятнадцать лет впервые прочитал заметку со своей подписью в газете Северной группы войск, мне и в голову не пришло, что когда-нибудь я буду зарабатывать себе этим делом на жизнь. Доказательством моего легкомысленного отношения к газетной карьере может служить хотя бы то, что обе свои заметки из «Окопной правды» я потерял. Собственно газета Группы войск называлась как-то иначе, но в голове осталась только эта кличка – «Окопная правда».

Даже по прошествии пяти лет, которые я потратил на писанину, мне все еще не совсем верилось, что это теперь моя основная деятельность. Мне всегда казалось, что очень трудно пробиться на страницы газеты или журналов. Так же трудно, как поступить в очень престижный институт, скажем, театральный. Я и сам как-то хотел в театральный институт, уже после того, как завалил экзамен в военное училище.

Биография у меня вообще путаная. Но я до сих пор уверен в том, что самым ключевым моментом моей жизни было то, что я подал документы на инженерный факультет Киевского общевойскового училища, а не на разведывательный. На разведывательном факультете экзамены принимались по гуманитарному циклу, а я гуманитарий до мозга костей. Почему поперся сдавать две математики и физику? В результате этой ошибки я не воевал в Афгане и не носил до сих пор погон, а сидел на пресс-конференции, которая, как обычно, задерживалась.

Все пресс-конференции делятся на несколько частей: на одни ходят ради выпивки и закуски, на другие – ради жареных фактов и скандальной информации, а на некоторые – чтобы выполнить свой долг по участию в окологазетных тусовках. Я уже давно разочаровался в пресс-конференциях, которые проводятся политическими организациями. Все обычно сводится к вялому зачитыванию отчетов о собственных свершениях и к бодрому перечислению планов на будущее. Если бы я не был несколько ленив, а наша любимая газета – столь аполитична, то было бы просто замечательно сличить обещания политиков городского уровня с их воплощением в жизнь. Но – лень. Умноженная на нежелание нажить себе дополнительных врагов. Местная организация УНСО очень болезненно реагировала на малейшее упоминание о себе на страницах и экранах. Мои отношения с хлопцами из УНСО складывались своеобразно. Волей случая меня занесло в кабинет их начальника службы безопасности. Там я получил несколько удовольствий сразу. Мне прочитали небольшую лекцию о пользе национализма, подтвердили свою приверженность лозунгу: «Крым будет или украинским или безлюдным» и продемонстрировали папочку с многообещающим названием: «Материалы об антигосударственной и антиукраинской деятельности средств массовой информации». После этого я многократно попадал туда на пресс-конференции. У меня даже появилось несколько знакомых среди этих парней, на улице со мной очень мило раскланивались. Но в папочке я, пожалуй, фигурировал. Ну не смог я удержаться несколько раз от наездов на доморощенную национальную идею. В дружеской беседе меня предупредили о недопустимости столь легкомысленного отношения к важным темам. Потом я сам перестал заниматься политическими проблемами. Политикой у нас в газете занимались люди умные, а криминалом – талантливые. Это я так себя успокаивал. В общем, все время, пока руководство городского УНСО готовилось к началу пресс-конференции, я сидел в углу и мучительно решал, какого черта я здесь делаю. Нет, выбора у меня все равно не было. Наши политические обозреватели на пресс-конференции не ходили, а мои репортеры были еще слишком молоды, чтобы спокойно воспринимать все, что может на подобном сборище прозвучать.

Наконец пресс-конференция стартовала. Оказалось, что она посвящена проблеме Чечни, и я загрузил еще сильнее. Политические бури городского масштаба утомляли меня своими амбициями. Как и публикации открытых писем к главам государств на страницах областных газет. Если бы руководители стран читали все то, что о них или для них пишут, ни на что другое времени у них просто бы не оставалось.

На сей раз, после пятнадцатиминутного вступления на тему «руки прочь», выступивший для разнообразия перешел к практическим вопросам антиимперской борьбы. После двух первых фраз я вышел из состояния скуки и прислушался к выступающему. Еще через пару фраз я вцепился в блокнот и стал конспектировать.

А выходило очень забавно. УНСО, преисполнившись чувством братской солидарности с чеченским народом, приняло решение направить своих бойцов на Северный Кавказ. И там они будут бороться против экспансии. И, оказалось, уже борются. Еще с ноября прошлого года. Теперь их количество будет увеличиваться. С руководством Чечни достигнута договоренность и там украинских солдат уже ждут.

В процессе конспектирования я поймал себя на том, что время от времени поглядываю на входную дверь. Исходя из элементарных познаний в законодательстве, нужно было ожидать появления представителей власти с санкцией на обыск и арест. Мне казалось странным, что призывы к войне и подготовка вооруженных формирований для участия во внутреннем конфликте соседнего государства звучат так свободно. Ну ладно, мы все уже неоднократно читали о подобных «интернационалистах», но это было скорее пересказывание слухов. Тут все очень открыто и откровенно.

Я покосился на сидящего рядом Степана Миронова. Он посещал все подобные мероприятия и даже умудрялся на основе их материалов делать передачи для какого-то ранее враждебного голоса. То ли для Би-Би-Си, то ли для «Свободы». Судя по тому, с каким выражением лица Миронов слушал выступление, оно ему нравилось. А нравилось ему обычно то, что могло принести деньги.

– Как ты думаешь, он это серьезно? – тихо спросил я.

– А какая разница? Если им нравится рассказывать о своих героических подвигах в Чечне – это их право, тем более, что сами чеченцы фактов не опровергают.

– Шутишь? Как это, по-твоему, соотносится с вмешательством в вооруженный конфликт?

– А никак! Это и не нужно. Они там, может, и не воюют, просто добровольцы из других стран в глазах мировой общественности создают некий ореол романтизма.

– Наемники почти нигде не воспринимаются как романтики.

– А ты разве не обратил внимания, что наши всеми силами отрешиваются от почетного звания наемника. Наши денег от Дудаева не получают. Они борются за идею.

– А если они и в самом деле воюют?

– А если они и в самом деле воюют, то в УНСО появятся боевики с опытом ведения партизанской войны и войны в городе.

Выступающий предложил задавать вопросы, но я решил этому призыву не следовать. Писать об этом я не собирался, факты и цифры записывал скорее по привычке, а комментарии Миронова меня совсем разочаровали. На тот момент я еще не осознавал, что на нашу жизнь оказывают влияние не одни лишь желания. В глубине души теплилась надежда, что вся эта высокая, средняя и низкая политика не касается людей, в эту политику не лезущих. Насчет меня убеждал собственный опыт. Мне еще предстояло приобрести новый опыт, чтобы убедиться в обратном.

4 февраля 1995 года, суббота, 13-25 по Москве, Чечня.

Вначале стало слышно вертолет. Облака были низкими и только двигатель вертолета выдавал его приближение. Звук усилился, затем стал удаляться, но снова вернулся. Вертолет вынырнул из облаков и сел метрах в ста от крайнего дома деревни.

От дома отделился человек в камуфлированной куртке поверх гражданского костюма и, придерживая шапку, подбежал к вертолету. В открытый люк высунулся ствол автомата. Под-

бежавший что-то крикнул, развел руки в стороны. Люк открылся шире. Человек приблизился к вертолету вплотную, вынул из-за пазухи небольшой пакет и протянул его вовнутрь вертолета. Затем, не оборачиваясь, побежал к деревне. Люк вертолета закрылся и вертолет взлетел, сразу же скрывшись в низких облаках.

Человек в камуфлированной куртке подошел к дому, постучал. Дверь открылась и на пороге появился человек в форме, но без знаков различия. Отступил в сторону.

Окна в комнате были плотно завешены, на столе горела керосиновая лампа. Кто-то в штатском сидел за столом, а двое в форме на расстеленном одеяле возле окна возились с рацией.

– Посылка ушла. Можно передавать, – сказал вошедший.

Тот, что сидел за столом, обернулся к рации, но ничего сказать не успел. В окно забарабанили. Невдалеке коротко ударил автомат.

– Похоже, чеченцы нас таки нагнали, – сказал сидевший за столом и встал. – Работайте спокойно – минут десять у вас есть.

Он ошибся. У радистов было всего семь минут. Времени хватило только для того, чтобы отправить сообщение. Они даже не успели обернуться к распахнувшейся двери. Длинная автоматная очередь прошла людей и рацию.

Последним погиб старший группы. Перебегая, он попал в тупик. Забор был всего около двух метров высотой, но подтянуться, как и стрелять, он уже не мог. За минуту до этого пули раздробили ему оба локтя. Он обернулся навстречу преследователям. Сдвоенный удар отбросил его на стену. «Хрен вам, сволочи! Мы успели», – мелькнула мысль уже перед самой смертью. К счастью, он так и не узнал, что гибель его группы и еще двух других групп до него была бесполезна. Вертолет не вернулся на базу, а когда его нашли, пакета на борту не оказалось.

4 февраля 1995 года, суббота, 13-40 по Москве, Чечня.

Пилот оглянулся, когда в кабину вошел майор. Он в этом полете командовал всем. Пилоту не нравился ни полет, ни майор, в котором за версту чувствовался особист. А к этой категории людей пилот относился с предубеждением.

– Все нормально? – спросил майор.

Пилот молча кивнул. Майор похлопал его по плечу и вернулся в салон. Техник дремал, а двое сопровождавших майора, о чем-то переговариваясь сквозь рев двигателя, вопросительно посмотрели на майора, тот показал большой палец и сел на лавку. Сунул руку в карман куртки, нащупал небольшую коробочку, впился в край лавки и, задержав на мгновение дыхание, нажал на кнопку.

Взрывное устройство в двигателе сработало чисто. Шум внезапно стих, но винт продолжал вращаться по инерции, поддерживая вертолет. Никто даже не успел испугаться. Через несколько секунд, вертолет ткнулся в холм, тяжело осев хвостом и съехав на несколько метров задом.

– Всем оставаться на местах! – крикнул майор. Увидев, что из кабины появился пилот, майор повторил команду уже для него. Взяв автомат, майор выпрыгнул из вертолета. Огляделся. Затем осторожно поднялся на холм, в который уперся упавший вертолет. Теперь он стоял напротив кабины. Пилот был на месте. Майор поднял автомат и выпустил половину магазина в стекло. Затем бегом спустился к люку, короткой очередью свалил выпрыгнувшего было техника.

– Это я, не стреляйте! – крикнул майор в люк. Убедившись, что двое сопровождающих оружие опустили, длинной очередью уложил обоих. Снова огляделся вокруг. Вынул нож, склонился над техником. Ударил тело несколько раз, подумал. Широким движением разрезал одежду. С усилием вогнал лезвие в живот и рванул круговым движением. Брезгливо отвер-

нул, вытер лезвие об одежду убитого. Вынул из кармана куртки гранату, сорвал кольцо и бросил гранату в люк. Успел отбежать от вертолета метров на пятнадцать, прежде чем граната разорвалась. Майор оглянулся назад. Покачал головой. «Какие звери эти чеченцы!» – пробормотал он.

В вертолете взорвалось еще что-то. Майор ускорил шаги и скрылся в лесу.

5 февраля 1995 года.

Филиал – Центру.

...Обращаю ваше внимание на подготовку группы боевиков для действий на территории Чечни. Одновременно проводится закупка оружия, похищенного со складов ВС Украины для оснащения этой группы. По имеющимся данным, есть возможность вооружить боевиков оружием на месте. Не используется также оружие, вывезенное из Приднестровья и нелегально складированное на территории Украины.

Допускается утечка информации как в силовые структуры, так и в средства массовой информации. При этом всех участников групп подготовки ориентируют на максимальное сохранение секретности. Создается впечатление преднамеренной утечки информации о действиях в составе сил Дудаева групп, сформированных на территории Украины, укомплектованных украинцами и вооруженных украинским оружием...

...Не исключаю, что в состав группы будут нелегально включены сотрудники украинских спецслужб с задачами сбора информации военного и политического характера о положении в Чечне и с целью контроля за действиями некоторых организаций Украины. Со своей стороны принял меры к включению в одну из групп своего информатора...

...Подготовительный этап «Спектра» закончил. Намечены приоритетные направления в контактах с украинскими средствами массовой информации, подготовлены подходы к лицам, указанным в вашем списке...

...Прилагаю перечень мероприятий, необходимых для начала осуществления первого этапа «Спектра».

Центр – Филиалу.

До дальнейших распоряжений «Спектр» заморозить. Основное внимание сосредоточить на теме «Чечня».

Глава 2

8 февраля 1995 года, среда, 12-00 по Киеву, Город.

Торговцы заметили новенькую сразу же. На платформе она появилась минут за пять до прибытия поезда и расположилась возле входа в тоннель. Ни наехать на нее, ни тем более успеть стукануть дежурному милиционеру на конкурентку никто не успел – диктор объявила прибытие и, отложив разборку на потом, торговый люд двинулся вдоль вагонов, наперебой предлагая закуску и выпивку. Пара торговцев газетами и парень с сервизами быстро перебрались парой слов с проводниками и вошли в вагоны – им работать на ходу, до следующей станции. Новенькую толкнули, но она не отреагировала, а медленно пошла вдоль состава. Возле двенадцатого вагона остановилась и, наконец, вынула из сумки жареную курицу и крикнула неожиданно пронзительным голосом: «Куры жареные, домашние!» Ее окликнул кто-то из пассажиров одиннадцатого вагона, но она не обернулась. «Курица жареная!» – еще раз крикнула торговка. В дверях двенадцатого вагона появился парень лет тридцати в атласной спортивной «пуме».

– И кто ж ее так жарил, красавица? – заорал пассажир.

– А вы понюхайте, как пахнет!

– Что ее нюхать, ее, милую, есть надо, под водочку, – пассажир спрыгнул на перрон и обнял за плечи стоящую тут проводницу. – Что, Валечка, придешь на курочку? Угостимся?

Проводница высвободилась из объятий и неодобрительно бросила:

– Ты с самого Курска угощаешься.

– За свои, между прочим, и не один. Ты, Красавина, мне самую вкусную выбери, с корочкой. И заверни.

Торговка поставила сумку на перрон, расстегнула молнию, вынула пакет и сунула в руки «пуме». Тот молча взял его в руки, оглянулся по сторонам и, не отдавая денег, поднялся в вагон.

Торговка не стала кричать или ругаться. Поезд тронулся. Пассажир в спортивном костюме немного постоял в тамбуре, потом, не задерживаясь, взял в своем купе полотенце и прошел к туалету. Скомканная бумага вылетела в окно. В купе пассажир вернулся со свернутым полотенцем, махровым, домашним, и сунул сверток в сумку. Оттуда достал полную бутылку «Кремлевской» и водрузил ее рядом с тремя бутылками пива на столике. «Ну что, мужики, продолжим?» – весело подмигнул попутчикам.

Новенькая исчезла сразу после отправления поезда. Никто из постоянных не заметил, куда именно. Да никто, собственно, ее и не запомнил.

8 февраля 1995 года, среда, 21-00 по Киеву, Город.

Когда в девять часов вечера вам звонит главный редактор и мягко так, ненавязчиво интересуется, насколько хорошо редактор отдела расследований справляется со своими обязанностями, вам, как редактору отдела расследований, остается либо признать в собственной некомпетентности, либо молчать, ожидая продолжения монолога главного редактора.

А Главный редактор, уловив в моем молчании попытку превратить его вопрос ребром в вопрос риторический, в лоб поинтересовался, знаю ли я о том, что произошло в поезде «Москва—Симферополь» через один час пятнадцать минут после его отправки с одиннадцатого пути городского вокзала. А я не знал, более того, я даже не догадывался, к какой именно области деятельности моего отдела могло относиться данное происшествие. В принципе, это

могло быть все, так или иначе выходящее за рамки обыденного и способное попасть в нашу рубрику «Неприятности»: пожар, отравление, вымогательство, несчастный случай и скоропостижная смерть. Если то, что произошло в Симферопольском поезде, относится к категории «неприятностей», то особых проблем быть не могло, ну еще порычит немного Главный и успокоится. Если же происшествие потянет на рубрику «Расследование», или, не дай Бог, «Громкое дело», то мне еще долго придется отмывать свое доброе имя искателя сенсаций.

– Так значит, с твоей точки зрения, ничего привлекающего внимания в поезде не произошло?

– Я этого не утверждаю, просто я в этом поезде, как ты сам понимаешь, не ехал, а мои источники мне пока ничего не сообщали.

– А твои источники не забывают, что водку ты им ставишь на деньги редакции и о самых интересных событиях они должны информировать тебя в первую очередь?

– Они это помнят, более того, они даже сообщают...

– Как сегодня, например?

– Как, например, с прошлогодним убийством двух милиционеров. И, между прочим, мои основные источники находятся рядом с милицией возле УВД города и области. Есть еще в райотделах. Все то, что происходит на железной дороге, между прочим, попадает в ведение линейного отдела милиции и в транспортную прокуратуру. В сводки центра общественных связей это попадает только на следующий день, да и то часам к двенадцати. Если же дело достаточно серьезно, то и в сводках я его фиг увижу, пока героическая милиция преступника не изловит.

Честно говоря, я слегка врал. В группе по связям с общественностью УВД по железной дороге у меня был знакомый, но среда – это такой день, когда я совершенно не в состоянии не то, что заехать к нему, но даже позвонить. Главный это прекрасно знает, я сдаю свою полосу и с утра до самого вечера долбаюсь в редакции нашего Богом спасаемого еженедельника. И вообще, все, что на неделе происходит после раннего утра среды, в нашей газете появляется только на следующей неделе. Приблизительно так я и объяснил Главному, и Вадим слегка сбавил тон.

– По моим сведениям, в этом поезде кто-то устроил стрельбу и отправил на тот свет целое купе. Так что завтра с утра двигайся в ЦОС за более подробной информацией. Потом ко мне. Вопросы?

– Вопросов нет, разрешите выполнять?

– Разрешаю!

– Разрешите бегом?

– Твою мать! – попрощался Вадим и положил трубку.

Есть свои плюсы и минусы в том, что работаешь на старого знакомого. И я, и Вадим превосходно помним то время, когда я был старшим пионерским вожатым, а он – одним из самых наглых и беспринципных членов городского пионерского штаба. Такого скоростного изменения убеждений на прямо противоположные я не наблюдал с тех пор ни у детей, ни у взрослых, если не учитывать профессиональных политиков, для которых это обязательное качество.

Теперь Вадим стал не просто главным редактором, но даже учредителем, так что мне, получающему зарплату из его рук, гордыню умирять приходится. Я даже научился спокойно выслушивать замечания, не обращая внимания на то, что мне тридцать два, а ему двадцать один. Но наступает такой момент, когда мы оба вдруг понимаем, что я больше терпеть не стану, и разговор сворачивается. После чего Главный почти неделю держится официально, а я работаю особенно продуктивно.

Так что завтра у меня день будет посвящен стрельбе в поезде, если она действительно была, а компетентные органы сочтут необходимым посвятить в подробности дела средства мас-

совой информации. Ибо, если кто-то считает главной задачей Центра общественных связей подробную информацию широких масс общественности, тот глубоко ошибается. Ибо главной задачей работников ЦОСа является – ничего никому не сказать. Максимум, на что готовы ЦОСовцы, это прочитать из сводки пару-тройку сообщений типа «после совместного распития... на почве неприязненных отношений... в ходе возникшей ссоры... по горячим следам задержан». Так что мое появление на пороге ЦОСа – это отнюдь не финиш, а только старт. Вцепившись зубами в выхваченную информацию, всякий, выбравший в качестве специализации криминал, бросается перетряхивать свои источники с одним-единственным вопросом: «Что же, собственно, случилось?»

8 февраля 1995 года, среда, 13-30 по Киеву, поезд Москва—Симферополь, вагон 14.

Услышав щелчок замка, оба пассажира четвертого купе решили, что это проводник. Когда дверь отлетела в сторону, тот, что сидел слева, продолжал смотреть на бумаги, лежащие перед ним, и первые две пули вошли ему в висок. Второй – тот, что справа – успел повернуть голову к двери и даже испытывал перед смертью что-то вроде удивления. Пуля ударила между ключицами. Другая пробила череп под левым глазом. Убитый, он остался сидеть, откинувшись в угол.

Убийца сделал паузу. Потом крикнул: «Я вас, суки, предупреждал!» – и оставшиеся пули выпустил в окно. Три из них улетели в сторону поля возле дороги, а одна засела в стволе акации лесополосы.

Убийца сорвал стоп-кран и выпрыгнул из вагона. Проводница, убиравшая в туалете, пробежала по коридору мимо приоткрытой двери четвертого купе. Остановилась. Потом вернулась и заглянула. А потом закричала.

В какую сторону ушел убийца, не заметил никто.

8 февраля 1995 года, среда, 21-00 по Киеву, аэродром 502 авиатранспортного полка, Запорожье.

О внеплановом рейсе дежурного по аэродрому предупредили только за час до вылета. Экипаж прибыл в 20-00, а через пятнадцать минут появился подполковник Марченко с группой. Подполковник сразу же направился к дежурному, а пятеро членов группы не торопясь пошли к взлетной полосе.

– В 21-15 борт должен быть в воздухе, – сразу после обмена приветствиями перешел к делу подполковник.

– Экипаж на месте, самолет подготовлен, только...

– Что только?

– Мне казалось, что должен прибыть комполка.

– Если кажется, – резко оборвал Марченко, – звонить нужно.

Дежурный связался с командиром полка. Тот спокойно поинтересовался, почему, по мнению дежурного, он, комполка, должен присутствовать при каждом взлете. Этим полетом занимается подполковник Марченко – ему и карты в руки.

– Еще вопросы есть? – поинтересовался подполковник Марченко.

Вопросы у дежурного, естественно, были, но вслух он решил их не произносить. С каких это пор контрразведчики занимаются отправкой самолетов?! И что это за пятерка, ради которой гоняют «Ил-76»?

Марченко подошел к самолету. Пятеро пассажиров стояли возле трапа. Старший поглядывал на часы. Неподалеку топтался техник.

– Багаж загрузили? – тихо спросил подполковник.

Старший группы молча кивнул. Марченко протянул руку:

– Счастливо, всего наилучшего. На месте вас уже ждут.

Группа поднялась в самолет. Люк закрылся. Командир корабля вел переговоры с командным пунктом, когда бортинженер заглянул в кабину:

– Командир, ты в курсе, кого везем? Пятеро солдат с сержантом во главе. Весьма преклонного возраста, и что самое интересное – у всех эмблемы российской армии.

– Ничего особенного, – оглянулся второй пилот, – у нас и маршрут специфический.

– И куда же мы?

– В России давно был?

– Где-где?

– Все по местам и прекратили треп, – оборвал разговор командир.

Бортинженер двинулся на свое место, но его поманил пальцем штурман и молча ткнул пальцем в карту. Краснодарский край.

В пустом отсеке «Ила» пассажиры разместились плотной группой. Старшему, с сержантскими лычками, на вид было за тридцать. Остальные, от младшего сержанта до рядового, тоже не выглядели солдатами срочной службы.

Самолет оторвался от взлетной полосы. Набирая высоту, старший сержант показал большой палец и сказал, чуть повысив голос, чтобы было слышно в гуле моторов: «Начали вовремя. Даст Бог, закончим благополучно!»

Подполковник Марченко проводил взглядом взлетевший «Ил» не прощаясь с дежурным, сел в машину и уехал. Через полчаса он связался по телефону с Киевом и доложил об отправке группы.

Еще через пятнадцать минут один из руководителей военной контрразведки Украины связался по спецсвязи с Москвой.

– Виктор Николаевич? Наша группа около часа назад стартовала. Встречайте.

– Спасибо, их уже ждут. Мне нужно, чтобы на месте они были к полудню девятого февраля.

– Это уже зависит от ваших людей и от обстоятельств.

– Буду держать вас в курсе. До связи.

9 февраля 1995 года, четверг. 11-30 по Киеву, Центр общественных связей УВД.

Пессимист – единственный человек, который радуется, если его предположения не сбываются. В общении с ЦОСом – я пессимист и скептик. Но в данном случае подробности мне сообщили. Это плюс. Однако сообщили в виде протокольного образца. Почти совершенно понятно: что, где, когда, но с души воротит мгновенно. Сколько бы сатирики ни издевались, язык милицеских протоколов состоит из ста пятидесяти слов, и ничего тут не поделаешь. Инцидент со стрельбой в поезде выглядел так:

«8 февраля, около 13-30, в поезде «Москва—Симферополь» в результате возникшей ссоры гражданин России выстрелами из пистолета ТТ убил двух жителей Москвы, 1966 и 1961 года рождения, и попытался скрыться, сорвав стоп-кран. В результате оперативных мероприятий за это преступление был задержан житель Курска, 1963 года рождения, у которого был изъят пистолет ТТ. Ведется следствие».

Песня! Сказка! Просто хочется декламировать, как белые стихи! Однако, и на том спасибо. Совершенно спокойно могли бы ограничиться последней фразой: «Ведется следствие», что в переводе на общедоступный язык означает: «Никому ничего не сообщим, пока не передадим в суд». А в суде, кстати, информацию можно будет официально запросить только после вынесения приговора. Года через полтора после содеянного. За это время меня совершенно свободно выпрут из газеты, не глядя на заслуги. Так что я совершенно искренне сказал «спасибо» капитану Феоктистову, рассыпаясь в благодарностях перед полковником Кравчуковым

и убыл в поисках телефонного аппарата. В принципе, только в принципе, я могу позвонить с одного из ЦОСовских телефонов.

Выглядело бы это приблизительно так. Я сажусь за стол напротив начальника Центра общественных связей, набираю телефон Гены Котляра из линейного отдела милиции и спокойно начинаю вытягивать из него сведения, украшенные грифом «Для служебного пользования». После такой выходки не то что ЦОС, душевный друг Гена перестал бы со мной общаться. Даже если бы остался на своей должности.

Именно по этой причине я и вышел из областного управления милиции и, по щиколотку утопая в мокром снегу, отправился к кафе. Во-первых, там можно попить кофе, а во-вторых, там масса телефонов-автоматов.

В этот день мне здорово везло. Кофе был в наличии, телефоны работали, а капитан Котляр находился на своем рабочем месте.

– Здравствуйте, товарищ капитан, – вежливо сказал я.

– Слушает капитан Котляр, – официально отозвался Гена.

– Тебя беспокоит Заренко Александр Карлович.

– Слушаю вас, – не менее официально сказал Котляр, и я понял, что его сосед по комнате, кадровик ЛОМа, находится на месте.

– Слушай, Гена, а ты не хочешь срочно прибыть в кафе «Айсберг» на встречу, скажем, с группой представителей средств массовой информации?

На том конце провода Гена задумался, а потом сообщил, что сможет быть на назначенном месте через полчаса. А я пошел обратно в кафе, чтобы скрасить свое одиночество еще одной чашечкой кофе. Но в зале оказалось, что свое одиночество я могу скрасить не только кофе, но и обществом Сергея Мосина из братски конкурирующего «Полдня».

– В ЦОСе был? – осведомился Мосин и возбудил во мне нехорошие подозрения.

– В ЦОСе, – сказал я. – А ты?

– А я туда только иду. Нужно проверить кое-что.

– А я иду оттуда, чтобы кое-что выяснить, – съязвил я. Мы помолчали. Время шло, и мне совсем не хотелось допрашивать Котляра в присутствии Мосина. А мощный талант садиться «на хвост» – единственное достоинство Мосина, которое внушает мне уважение. Об интимном вытягивании информации из сотрудника и речи быть не могло в присутствии долговязого конкурента. И вообще, пусть сам ищет информацию, например, в Центре общественных связей.

Но настроение у Мосина было превосходным, он явно что-то знал о поезде и успевал эту информацию сунуть в ближайший номер. «Полдень» верстался на день позже нашего еженедельника.

– Ты уже разнюхал про стрельбу в паровозе? – неожиданно спросил Мосин.

– Ну...

– Я разговаривал с ментом на вокзале. Как в детективном фильме. Прикинь, два ханурика едут в «люксе», открывается дверь и с пушкой заруливает хмырь. Изрешетил обоих и свалил с поезда. Они с ним чего-то там в ресторане не поделили. А когда его взяли, оказалось, что он ехал в Крым кого-то мочить.

– Это тебе все постовой рассказал? – Мосин меня достал, но делать уже было нечего, все карты у него в руках и, кроме того, он успевал все опубликовать вовремя.

– А у него кум на дежурстве был в тот день. Так что стрельба была между Городом и Узловой. А насчет Крыма – так у хмыря во время обыска, кроме патронов и пистолета, нашли еще фотографию с Ялтинским адресом. А ты успел в номер сдать эту информацию? – заботливо спросил Сережа Мосин. – Скотина такая!

– Ну, я пошел за официальной информацией, – сообщил Мосин и убыл, разминувшись в дверях с Котляром.

Но добил меня в тот день все-таки душевный человек Гена Котляр, капитан милиции и выпускник журфака Киевского университета. У него было слишком мало времени для разговоров, и он по доброте душевной презентовал мне второй экземпляр своей заметки в областную молодежку. Об убийстве в скором поезде и задержании опасного преступника.

Таким образом, я и мой любимый еженедельник оказывались минимум третьими, кто будет писать о двойном убийстве. Причем через неделю после события. И я отправился в редакцию как можно медленнее. Мне нужно было придумать, как все подать Главному. Совершенно не хотелось очередного наезда на меня лично, на мой отдел, дышавший на ладан. И в конце концов, кто в этом городе самый крутой журналист?

Начнем по порядку. Имя убийцы, как сообщил Котляр, служебная тайна. Фамилия, адрес, а также род занятий ялтинского жителя – тоже мне неизвестны. Все, что мне по дружбе выложил Генка, и что не упоминалось в сводке, сводилось к следующему. Ехал себе поезд № 133, ехал и приехал на станцию Город-Пассажирский. В 12-15 он отправился на Юг, а два пассажира вагона № 14 и один пассажир вагона № 12 отправились навстречу друг другу и встретились в вагоне-ресторане между вагонами № 12 и 13. Встреча состоялась в теплой дружеской обстановке, поскольку пассажир двенадцатого вагона, подсевший в Курске, был уже изрядно навеселе и в вагоне-ресторане успел до Города побывать дважды. Что конкретно произошло в ресторане, осталось для меня загадкой. То ли пара из «люкса» послала курянина, то ли житель Курска оторвался на «люксовцах», но разошлись они не на шутку, звучали повышенные тона и обещания еще встретиться.

Ровно в 13-30, через полчаса после разборки, курянин собрал сумку и, одевшись, прибыл в четвертое купе вагона номер 14. Без стука открыл дверь и с истошным криком: «Я вас, суки, предупреждал!» – разрядил всю обойму в пассажиров «люкса». После чего сорвал стоп-кран – благо, он расположен между вторым и третьим купе – и выскочил во чисто поле.

Через час он на стоянке нанял машину до Запорожья и отправился дальше в южном направлении. В дороге развлекал себя и водителя стрельбой из пистолета по птицам. Взяли его на блок-посту на Симферопольской трассе спящим. Проснулся он от ласкового приветствия омоновца с автоматом. И вот тут началась истерика. Он требовал, чтобы сожгли фотографию ялтинца, предлагал деньги и угрожал. А в вещах у него обнаружили почти тысячу баксов. Так что картина ясная, загулявший киллер сорвал выполнение заказа мафии. Писать о таких делах – одно удовольствие, особенно если, как Генка, имеешь всю информацию прямо от непосредственных свидетелей. Так что в дураках остался не только я, но и хитроумный Мосин.

Редакция, как и разговор с Главным, приближалась, и мозг мой, как мозг старого кавеншика, работал все интенсивнее и интенсивнее. И возле бывшего Дворца пионеров, а ныне Дворца детского и юношеского творчества, меня озарило. Об убийстве напишут все, об убийце напишут многие, но, скорее всего, об убитых, так некстати подвернувшихся под пули, не напишет никто, кроме меня. Небольшое исследование на тему «от судьбы не уйдешь» позволит мне не повторять избитого и выгодно выделиться из общего потока.

Тут же, очень кстати, оказался и телефон-автомат.

– Здравствуй, Гена, – второй раз за день ласково поздоровался я.

– Привет, – сказал Гена, видимо, его сосед по комнате, кадровик, вышел по своим кадровым делам, и Котляр мог объясниться спокойно.

– Гена, я с удовольствием и с завистью прочитал твою статью, признаю фитиль и готов сказать это при всех. Все-таки, профессионал есть профессионал, с вами, кадровыми журналистами, не потягаешься. Слушай, Гена, только ты можешь меня выручить. Ты же не хочешь, чтобы меня выперли с работы? – Гена, естественно, этого не хотел и поэтому довольно быстро раскололся на информацию, практически не засекреченную, – имена и адреса убитых. А потом, чтобы проявить свою добрую волю, даже сообщил мне в качестве живых деталей статьи,

что выстрелов было произведено восемь, из которых по два досталось пассажирам, а четыре попали в окно.

В редакцию я влетел птицей, сообщил Главному, что процесс пошел и принялся за счет редакции вызванивать в Москве своего бывшего сослуживца. В конце-то концов, что я, зря ему в восемьдесят втором в Польше жизнь спасал?

И таки спас. Правда, не под пулеметным огнем сторонников «Солидарности», а всего лишь в кочегарке, где Серега Парамонов был оператором большой совковой лопаты. Но, между прочим, угарный газ действует не менее эффективно, чем пуля. И лежащего между печами кочегара я нашел как раз вовремя, чтобы ему успели вернуть дыхание.

Так Парамонов мне жизнью обязан, а пользовался я этим совсем нечасто. Если быть точным, то только два раза – в августе 1991 и в октябре 1993, – когда он мне по телефону сообщал важные подробности по громким делам.

Если бы в тот момент я хотя бы догадывался, что звонок Парамонову так вывернет наизнанку мою жизнь, я был бы намного осторожнее в выборе тем для материалов. Но история не терпит сослагательного наклонения. А я так до сих пор и не выяснил: меня уже вели в тот момент или стали «пасти» только с 17 февраля. То, что с семнадцатого февраля у меня уже не осталось тайн в личной жизни, я знаю наверняка. Даже убедился документально. Парамонов мою просьбу выполнил и перезвонил. Правда, уже после того, как статья с названием «А кто мишень» и моей подписью уже увидела свет.

Глава 3

10 февраля 1995 года, пятница, 12-30, Москва.

– Мы его нашли и держим под наблюдением. Наш любимый майор присоединился к группе боевиков и после небольшой прогулки по горам и долам прибыл на заброшенную ферму, где и находится уже сутки.

– Чем занимаются? – Виктор Николаевич, как обычно, говорил спокойным голосом. В манере говорить проскальзывала некоторая лень, обычно раздражающая начальство и иногда вводящая в заблуждение оппонентов.

– Основное время они тратят на маскировку и сон. Параллельно ведут наблюдение за дорогой.

– Что за дорога?

Миша приподнялся со стула и показал пальцем место на карте, лежавшей перед Виктором Николаевичем.

– Ферма находится вот тут метрах в ста пятидесяти от шоссе. А по шоссе идет переброска войск.

– И никто не поинтересовался, что находится у них под носом? – констатировал Виктор Николаевич.

– У военных и так слишком много проблем. Им по тамошнему бездорожью нужно перебросить как можно больше войск и техники. Предпочтительно в светлое время суток. Так что, если в них не стреляют, то они и не особенно выискивают противника.

Виктор Николаевич задумчиво кивнул.

– Вы уже подготовили вариант наших действий?

– В принципе, да. Но тут есть нюансы. Наблюдение ведет наша группа в составе пяти человек. На ферме до сорока вооруженных боевиков, уровень подготовки которых мы определить, естественно, не можем. Исходя из того, что именно к этой группе присоединился майор Тупчинский, подготовка должна быть несколько выше средней.

– Вы считаете, что наша группа не справится?

– Наша группа справится. Но в этом случае, при самом беглом анализе столкновения, станет понятно, что действовали специалисты именно этого профиля. Нужно ли это нам?

– Нам это, естественно, не нужно. Мы вообще ничего не ищем в этом районе. В этом районе всем занимается Александр Павлович. И он, кстати, достиг очень интересных результатов. Не далее, как два часа назад, он сообщил мне, что его поисковая группа обнаружила останки майора Тупчинского. Его, оказывается, взяли в плен, а потом, изуродовав до неузнаваемости, бросили. Торопились настолько, что даже не нашли при нем того самого пакета. А поисковая группа – обнаружила. Так что самое позднее завтра к утру пакет будет в кабинете у Александра Павловича и мы сможем спланировать свои дальнейшие действия уже с учетом этой важной информации.

– И совершенно точной, – добавил Миша. – Нужно будет готовить святую воду. С призраками дело иметь придется.

Виктор Николаевич выжидающе смотрел на собеседника, не перебивая.

– Предложено следующее: после того, как боевики обстреляют колонну, армейское командование будет вынуждено эту ферму почистить. На завершающем этапе наши подключатся к этому эпизоду и призрака изымут. Если это будет по каким-либо причинам невозможно – попытаются взять пакет.

– И вы считаете, что такие осторожные ребята, как боевики из этой группы, все-таки откроют огонь?

– Пренебреженно! По графику военного командования завтра утром и в течение всего дня в этом районе будут двигаться подразделения десантной дивизии. Вот по ним-то и стреляют.

– А если боевики после стрельбы попытаются уйти? – Ну, для них это будет такой же неожиданностью, как и для военных, если не большей. Некоторое время они потратят на сборы. А потом обнаружат, что отход к лесу им перекрыли снайперы. И они попытаются отсидеться до темноты.

10 февраля 1995 года, пятница, 21-00 по Киеву, Город, Восточная Украина.

Должность редактора отдела помимо некоторого преимущества в виде жалования налагает, к сожалению, и некоторые обязанности. Приходится отвечать за деятельность тройки подчиненных и, кроме того, выступать в роли педагога-наставника. Забавно, но большинство людей на земле убеждены в том, что быть журналистом – проще простого. Нужно только прийти куда надо и записать что услышишь, или увидишь. Я сам был раньше уверен в том, что это именно так. Вообще мне казалось, что журналист должен вести расследования, прорываться сквозь препоны и кордоны, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете. Нет, я, естественно, не спорю – в крупных и известных газетах наверное есть журналисты, которые отправляются в дальние и опасные командировки, ползают под пулями или вместе с пожарными лезут по горящим домам. Я с такими журналистами не сталкивался. И не потому, что нет среди нашего брата парней, готовых рискнуть. Но – как совершенно правильно утверждали марксисты – вначале необходим материальный базис и только потом надстройка. А наши нынешние газетные боссы деньги обычно вкладывают не в то, чтобы добыть информацию, а в улучшение благосостояния собственных семей. И то, что наш еженедельник носит гордое звание республиканского еще ничего не значит. Мы должны уметь извлекать информацию даже из воздуха. Основные сенсации достаются столичными изданиями. На долю провинциальных газетчиков выпадают зависть и долгое ожидание звездного часа. А пока звездный час приближается, нам нужно регулярно исписывать необходимый объем, чтобы не загнуться от голода. И вот тут-то нам, работникам отдела расследований, и приходят на помощь милицейские сводки. И еще информация из всякого рода контролирующих служб и органов.

Приблизительно эти мысли я пытался внушить своим орлам – репортерам. В пятницу я иногда собираю этих бездельников, чтобы изложить свое видение наших проблем.

Они приходят, внимательно слушают, соглашаются, или, во всяком случае, не возражают, потом уходят и через некоторое время приносят мне такое, что приходится либо выбрасывать в корзину, либо полностью переписывать. Сейчас оба – и Слава, и Сергей – молча слушали. На их лицах мелькали следы понимания. Это меня окрыляло.

– Возьмем, к примеру, оперативные сводки милиции, – я выудил из стола пачку бумаг и предъявил их парням.

– Возьмем, – согласился Слава. Он обычно пишет о медицине, поэтому для него эта часть лекции носит характер теоретический.

– Напрасно ты так спокоен. В этих сводках также имеет место информация о несчастных случаях и отравлениях. Например, читаем, что в инфекционное отделение больницы поступило двадцать два ребенка из детского дома. Диагноз – пищевое отравление. Ваши действия?

Слава помялся, потом окинул тоскливым взглядом комнату. Ему было совершенно наплевать на все мои ухищрения. Он хотел на волю.

– Нужно узнать адрес, поехать в детский дом, переговорить с директором. Потом съездить в больницу...

– Ничего подобного. Там ничего не узнаешь, кроме того, что у тебя уже есть. Пошевели мозгами. У нас есть эта информация, и теперь нужно обращаться к тому, кто за все это формально отвечает. Например, к главному санитарному врачу города. Он так или иначе что-то скажет. Или подтвердит, или опровергнет. Или подбросит чего-нибудь интересного о трудностях его системы, и ты сможешь соорудить материал о проблемах наших борцов за санитарную. Заодно ты сможешь установить хорошие отношения с этим самым врачом и потом получать у него интересную информацию. Усек?

Слава возвел очи к потолку и обреченно кивнул. Сергей помалкивал, потому что подошла его очередь. Я всегда старался распределять свои усилия равномерно, чтобы никто из них не почувствовал себя обделенным.

– Смотрим наши бесценные сводки дальше. На прошлой неделе мы прочитали о том, что стрелка ВОХР убили и забрали у него «наган» и патроны. В таких случаях надо затаиться и ждать продолжения. И вот три дня назад мы получаем из того же источника сообщение о том, что взяли трех несовершеннолетних, которые ВОХРовца и задушили.

– Мы связываемся с милицией, получаем у них статистику преступлений среди несовершеннолетних, соединяем и получаем проблемный материал, – лихо отрапортовал Сергей.

– Умница! А если раскрытие не произошло бы?

– Тогда можно бы на этом примере сделать материал о неэффективной работе органов милиции, – Сергей совсем расслабился.

– Правильно, мы подготовим такой материал и больше никогда не получим никакой информации из Центра общественных связей. Спрячь эту информацию подальше и надейся. В этих бумажках, написанных еще хуже, чем ваши статьи, больше информации к размышлению, чем фактов. Вопрос на засыпку – в течение последних месяцев в сводках все чаще и чаще мелькают сообщения об использовании преступниками устаревших пистолетов ТТ. Что мы можем для себя из этого извлечь?

– Они военные захоронения раскапывают, – снова поторопился Сергей.

– Ничего подобного, хотя возможен и такой вариант. Мы берем эту информацию и сопоставляем ее с сообщением о том, что наша героическая милиция испытывает недостаток в патронах к пистолетам Макарова. Эти патроны делает Тульский завод, а Россия с поставками что-то не торопится. Милицеское руководство вынуждено передать на вооружение некоторых сотрудников милиции пистолеты ТТ, которые были законсервированы на складах на случай войны. Этих запасов у нас еще надолго хватит. Понятно?

– Нет, – чистосердечно признался Сергей. Ему уже надоело выглядеть школяром и он решил сокращать паузы до минимума.

– Кто нам в этом случае сможет помешать сделать заявление, подкрепленное фактами о том, что и преступники, и милиция получают оружие из одних и тех же источников? И мы получаем интересное чтение для читателей и не портим отношения с милицией. Но если сводки совершенно бесцветные и не дают ничего, кроме банальных краж, бытовых драк и случаев хулиганства, то тут включается чисто литературный дар. Мы внимательно перечитываем сводки и пытаемся во всех тамошних мелочах отыскать какую-нибудь общую черту или направленность, или игру названий улиц, или смешные должности и странный набор украденного. И все это вы излагаете игривым языком, как одно повествование. И обязательно с юмором.

– У людей, между прочим, неприятности, а мы их будем высмеивать? – не выдержал Славка. – По-моему, не стоит по этому поводу зубоскалить.

– Да? А ты посмейся не над жертвами. Ты ткни пальцем в преступника. Пусть все поймут, какой он козел, что украл пять бутылок водки и женские трусы пятьдесят шестого размера. Или поинтересуйся, какого черта мама отпустила своего двенадцатилетнего сына в школу с золотой

цепочкой на шее и десятиграммовым перстнем на пальце. Не над людьми нужно смеяться, а над их глупостью. Все, свободны. Мне еще нужно работать.

Ребята ушли, а я героически приступил к статье об убийстве в поезде. В виду отсутствия подобной информации придется ее создавать. Или выдумывать. Тогда мне это показалось забавным.

11 февраля 1995 года, суббота, 10-15 по Москве, Чечня.

С водонапорной башни на территории фермы дорога просматривалась хорошо в обе стороны. Дога Шамсаев смотрел на проходящие мимо машины и боролся с сильным желанием расстрелять обойму своего автомата по сидящим в кузовах под тентами солдатам. И он знал, что этого не сможет сделать. Командир приказал сидеть тихо и предупредить только тогда, когда кто-нибудь свернет к ферме. Дога умел ждать. Он точно знал, что придет время и он сможет дать волю своим чувствам. Но не сейчас. Здесь все должно быть тихо.

Первого выстрела он не услышал. Просто один из «Уралов» вдруг пошел юзом и съехал в кювет. Из кузова стали выпрыгивать солдаты. Идущий следом грузовик резко затормозил, его занесло и развернуло поперек дороги. Длинная очередь прошла колеса. В кузове «Урала» людей не было. Вынырнувшая откуда-то от хвоста колонны боевая машина десанта (БМД) столкнула грузовик на обочину и освободила шоссе.

Шамсаев передернул затвор, но стрелять не стал. Его заинтересовало, кто же мог обстрелять колонну. Из леска возле дороги снова ударили, на этот раз трассирующими пулями. От колонны, наконец, ответили. Солдаты с подбитого грузовика рассыпались цепью и открыли беспорядочный огонь по лесу. Из-за деревьев снова ударили трассирующими, на этот раз стрелок переместился к ферме. Грохнула пушка с БМД. Взрыв свалил пару деревьев, но неизвестный стрелок снова ответил трассирующими, на этот раз уже от самого ограждения фермы.

Шамсаев попытался рассмотреть, кто же все-таки заварил эту кашу, но тут БМД броском преодолела открытое пространство и пробила каменный забор, окружавший ферму. Поднятая пыль еще не успела осесть, когда БМД выстрелила еще раз. Мотор взревел, БМД дернулась: то ли водитель попытался въехать во двор, то ли получил приказ вернуться к колонне, – от здания фермы ударил гранатомет и боевая машина десанта полыхнула. Из люка кто-то выпрыгнул. Дога не стал рассматривать подробности. Если начали стрелять с фермы, то он мог наконец перестать прятаться. Шамсаев вначале одиночным выстрелом снял выпрыгнувшего из БМД, а потом длинной, на весь магазин очередью прошелся вдоль шоссе. Слава Аллаху, он теперь может убивать врагов. «Уралы» задним ходом укрылись за садом, примыкавшим слева к ограде фермы. Солдаты возле дороги стали перебежками отходить к лесу.

Взорвались боеприпасы в горящей БМД.

«Я сегодня убил первого врага!» – с гордостью подумал Дога. Его приятно удивила та легкость, с которой они одержали победу. Вот у его ног горит бронированная машина, возле нее лежит тот, кого достала пуля Доги. И почти тридцать вооруженных мужчин бегут из-под его огня.

На башню поднялся Хасан. Он был помощником командира и единственным, кто уже сталкивался с русскими в открытом бою. «До этой минуты!» – мелькнула у Шамсаева радостная мысль. Теперь и он может с гордостью смотреть в глаза людям.

– Ты открыл стрельбу, шакал? – зло спросил Хасан.

– Я начал стрелять только после выстрела гранатомета.

Стрелял кто-то из лесу.

Хасан внимательно осмотрел все вокруг. Движения не видно. На дороге два «Урала» и в проломе ограды – БМД.

– Шарип приказал отходить. Через десять минут все собираются за фермой. Ты следишь за дорогой и подходами. Отходишь последним. Чтобы палец не чесался.

Хасан слез по лесенке вниз, а Шамсаев сплюнул. Он ожидал другой реакции. Дога сменил магазин в автомате. Остро пахло порохом. Чтобы как-то успокоиться, Дога стал собирать раскатавшиеся гильзы. «Уже почти остыли», – рассеянно подумал Дога. На дороге пусто. Часов у Шамсаева не было, и он, отсчитав приблизительно пятнадцать минут, забросил автомат за спину, спустился с башни и неторопливо, чтобы не выглядеть трусом, пошел через двор фермы к месту сбора. Дога вышел из-за угла как раз в тот момент, когда командир группы, Шарип Эльдарханов, отдал команду отходить к лесу.

Первыми, как обычно, пошли разведчики. Два человека, Дога так и не успел с ними познакомиться, перепрыгнули через забор и пригнувшись побежали к лесу.

Остальные успели сделать всего несколько шагов, из-за деревьев почти в упор по разведчикам ударила пулеметная очередь. Оба упали как подкошенные.

Командир ничего сказать не успел. Ему в голову попала пуля. Брызги крови остались на руках и лице Шамсаева. Как сквозь сон он услышал крик Хасана: «Окружили, все в дом!»

Кто-то подхватил тело Эльдарханова, кто-то толкнул Догу. Шамсаев, словно во сне, сделал несколько шагов к двери фермы, обернулся к лесу. В свои пятнадцать лет он еще не понял, что победа на войне – вещь очень непостоянная. И в оставшиеся секунды жизни понять этого ему было не суждено. Пуля снайпера попала ему в основание черепа, когда он уже входил в здание фермы. Испугаться он тоже не успел.

Тело мальчишки положили возле тела командира. Хасан, оставшийся главным, оглянулся на русского, который вот уже неделю был возле Шарипа.

– Что будем делать?

– Занимай оборону. Дом крепкий, попытаемся отсидеться до темноты, а потом уйдем.

Майор Тупчинский выглядел спокойным, когда боевики рассредоточивались по ферме. Но только выглядел. По роду своей деятельности, он принципиально не верил в случайности.

11 февраля 1995 года, суббота, 10-35 по Киеву, Город.

С самого утра у меня оказалось свободное время для писанины. Я вовсе не предполагал, что в субботу придется заниматься работой. Выходные – это почти святое. Я предпочитаю выполнять дела в рабочее время да и то в самый последний момент. Долгий и мучительный процесс подбирания слов и терминов не для меня. Статья либо пишется, либо не пишется. И в этом случае особенно помогает лимит срока. Сегодня на сегодня. Вот тогда моя лень не успевает включаться или отступает перед порывом и сложной ситуацией. Победить или умереть. Нет, естественно, приходится обдумывать материал, подбирать опорные точки и намечать общую стратегическую линию. Весь этот технический процесс должно выполнять подсознание. Я выработал пару приемов, которые помогают вести такую подготовку на уровне инстинктов, а потом выплескивать все полученное на бумагу. Подобные фокусы, правда, проходят только с небольшими по объему материалами. Над большими статьями приходится потеть. Как вчера я потел над статьей о стрельбе в поезде. Самое обидное, что лирика, которую я начал сочинять, может совершенно не пригодиться, если Парамонов не перезвонит. Понятно, конечно, что не очень просто явиться к родственникам погибших и начать их расспрашивать о том, что они чувствуют и какими были убитые при жизни. Но Сережа обычно свои обещания выполняет. Тем более, что «нарытое» он сможет творчески переработать для своих рассказов в компании. К нашей журналистской братии он, слава Богу, отношения не имеет и конкурентом не является.

Вчера вечер закончился не самым лучшим образом. По телефону меня вычислил редактор отдела политики и потребовал, чтобы я лично подготовил, отчет о пресс-конференции в УНСО. На мое предложение сделать это самому, на основе моих набросков, Пыжов глубоко-мысленно изрек, что ничто так не помогает при написании статей, как личные впечатления. И повесил трубку. Я героически подавил желание перезвонить ему и послать подальше, но сдержался. Пусть это будет моей последней неприятностью, подумал я. И мои пожелания остались

пожеланиями. Утром инициативу в свои руки взяла теща, и после пятнадцатиминутного разговора я испортил отношения с тещей, женой и свое настроение.

Можно было, конечно, собраться и уйти куда-нибудь погулять, но гулять в такую погоду и с таким настроением – удовольствие ниже среднего. В таких случаях мы с женой обычно молчим. И это молчание у нас возникает все чаще и чаще. С ностальгией я вспомнил первые годы нашей совместной жизни, когда ссоры наши были пятиминутными и жена не исчезала каждую среду с утра на несколько часов, со словами: «Мне нужно на базар». Я трус. Трус настолько, что даже ни разу не попытался выяснить, куда на самом деле она ходит. А строить догадки не хотелось. Я тешил себя иллюзией, что незнание правды может помочь избежать трагедии. В минуты нашей молчаливой войны эти мысли приходили в голову особенно часто и бороться с ними можно было только двумя способами – либо забить голову работой, либо попытаться уснуть. Возвращаться с утра пораньше в постель не очень хотелось. Поэтому оставалось только работать.

Для начала я отбарабанил отчет о пресс-конференции. Пыжову хотелось – я изложил. Строгим протокольным языком. Не понравится – пусть переделывает, на то он редактор отдела. У меня и своих проблем по горло. Вот еще криминал нужно писать,

В обычном состоянии души работа с материалами Центра общественных связей управления внутренних дел милиции – мое любимое развлечение. Я как раз вчера пытался объяснить своим работникам, как это делается. Как всегда, безуспешно. Девяносто пять процентов пишущих просто не способны отследить внутренние связи между совершенно несхожими событиями. Даже очень похожие события или происшествия, но разнесенные по времени или пространству, никак не включают воображения ни читателей, ни писателей, ни работников милиции. Так мне кажется. Иначе никак невозможно объяснить тех странностей, которые vyplывают из скупых милицеских отчетов. Самые приятные воспоминания в этой области у меня связаны с несколькими вооруженными ограблениями на дорогах области. Я на этом слепил такой материал, что даже злопыхатели в редакции были вынуждены признать мой дедуктивный талант. Все получилось, как в кино. Выкапывая из милицеского косноязычия кусочки ценной породы, я обнаружил три, совершенно не связанных между собой, ограбления. Ночью трое с пистолетами подходили к остановившимся машинам и отбирали все, что выглядело ценным. Одному водителю даже прострелили ногу. И никто ничего не видел. Максимум информации – действовали лица кавказской национальности. А этих лиц у нас сейчас куда больше, чем на Кавказе. Я здорово разгулялся на этом скудном материале. Во-первых, сообщил читателям, что бандитов было не трое, а четверо, ибо один должен был быть за рулем. Что машина разбойников была обязательно четырехдверная, а значит, ни «восьмерка», ни «таврия» на эту роль не подходили. Я даже постарался вычислить место их проживания. Материал поставили в номер и в тот же день моя супруга принесла из ЦОСа новые сводки, одна из которых повествовала о дневном нападении на грузовик. Нападавших кавказцев было четверо, и приехали они на «девятке», а не на указанной ранее кем-то из пострадавших «восьмерке». Мой триумф длился целых полчаса. Потом пришел главный редактор и устроил истерику по поводу работы отдела расследований.

Это его право и приоритет. Если есть у начальника охота поскандалить – он скандалит. Хочет – закатывает истерику.

Кстати, об охоте. Появилось у меня желание передать всю нашу уголовную прелесть под соусом охоты и собирательства. Тем более, что воспоминания, родные и близкие создали очень подходящее настроение.

11 февраля 1995 года, суббота, 12-30, Москва.

Перед Александром Павловичем стояла трудная задача. Через пять минут ему нужно было докладывать о происходящем в Чечне, а у него сомнений было больше чем информации. События ускользали из-под контроля, нужно было что-то предпринимать, но что именно, Александр Павлович мог решить, только получив всю картину происходящего. Даже те факты, которые он уже знал, пока трудно трактовать. Можно передать все аналитикам, но это значило потерять время, которого и так не было.

Тяжело вздохнув, Александр Павлович снял телефонную трубку и набрал номер.

– Слушаю вас, – сразу же отозвался человек, которого Александр Павлович за глаза называл Монстром.

– Я только что получил из Чечни новую информацию по «Шоку».

– Снова утечка?

– Не знаю. Может быть, просто совпадение.

– Вы не можете этого определить? – в голосе Монстра ясно слышался сарказм.

– Я имею информацию только из армейских источников. Колонна наткнулась на группу, с которой двигался Крез. Завязалась перестрелка, а потом вдруг оказалось, что солдаты каким-то образом окружили группу. С минуты на минуту начнется операция по ликвидации.

– Кто бы мог ожидать такой прыти от военных? В Грозный бы этих орлов на Новый год. Вы, кстати, уверены, что это операция военных, а не люди Виктора Николаевича?

– В этом случае мы вообще никакой информации не получили бы до тех пор, пока все не закончилось. Кроме этого, все оперативные группы у нас под контролем.

– Резонно, хотя от нашего друга можно ожидать чего угодно. Весьма и весьма талантливый человек. Все у него получается. Или все-таки не все?

– У меня слишком много проблем, чтобы заниматься оценкой работы Виктора Николаевича. Нужно решать, что предпринимать в ближайшее время. Если Креза возьмут живым – мы имеем очень много проблем. Если он погибнет, но при нем найдут пакет – у нас практически все те же проблемы.

– Вы уже успели сообщить об обнаружении его тела?

– Совершенно точно. У меня уже даже этот пакет лежит на столе.

– Очаровательно! Вы что-то успеваете предпринять?

– У меня в этом районе почти никого нет, а те, кто есть, в лучшем случае будут на месте к ночи, – Александр Павлович продолжал говорить спокойно, но внутри у него начинала закипать злость. Монстр иногда вел себя совершенно бесцеремонно. Все это Александр Павлович мог понять сам, а свои возможности он знал лучше, чем кто-либо. Он рассчитывал на то, что собеседник воспользуется своим влиянием и остановит действия не в меру развоевавшихся военных. Но Монстр с самого начала года почти полностью прекратил свои действия и предпочитал обходиться силами Александра Павловича. А люди Монстра бездействовали. Или все-таки действовали, но так, что это полностью ускользало от внимания Александра Павловича. И это тоже его раздражало. Он уже давно отвык чувствовать себя беспомощным.

– Ну, Бог с ним, с Крезом. Пусть идет все своим путем. Что у нас еще нового вокруг «Шока»?

– По мере продвижения мы получаем все новые и новые осложнения. В Грозном мы имеем минимум трех западных разведчиков, еще двух мы сейчас идентифицируем. Ведут они себя достаточно агрессивно, благо, журналистов у нас сейчас любят.

– И что, проявляют интерес к «Шоку»?

– Все их контакты указывают на такой интерес. Мы с большим трудом успеваем расчистить все до их появления.

– Досадно, досадно, – Александр Павлович готов был поклясться, что Монстр сейчас ехидно улыбается. Он любил делать вид, что знает больше собеседника. Или действительно знал больше.

– Кроме этого, возле самого штаба Дудаева работают две группы. И тоже слишком интересуются фигурантами по «Шоку». И это надо полагать, еще не все.

– Ну, это мы с вами можем просто гарантировать. Их будет все больше и больше. Что слышно о добровольцах-интернационалистах?

– Мы имеем сведения из Украины о подготовке нескольких групп. Но они начнут прибывать не ранее чем через месяц.

– А те, что уже действуют? Там ведь тоже есть украинцы.

– Если верить газетам и радио, там воюет целый батальон УНСО. Но реально, я думаю, их значительно меньше. Кроме них – мусульмане, чуть-чуть прибалтов, – Александра Павловича начал тяготить этот разговор. В любой момент могло поступить сообщение из Чечни, а Монстр развлекался, выслушивая сведения, которые мог почерпнуть из газет.

– Ну хорошо, не буду вам мешать. Как только что-нибудь прояснится – перезвоните. Кстати, а вы не интересовались у Виктора Николаевича, по его сведениям, что происходит вокруг «Шока»? Он ведь весьма разумный человек. Один из самых талантливых в вашей системе. А вдруг он уже владеет полной информацией?

Александр Павлович несколько секунд слушал короткие гудки. Потом со злостью бросил трубку. Монстр слишком откровенно натравливает его на Виктора Николаевича. И что-то очень интересуется Украиной. А этим стоило поинтересоваться.

Глава 4

11 февраля 1995 года, суббота, 14-48 по Москве, Чечня.

Весь бой длился около пятнадцати минут. Вначале пулеметный огонь вымел двор перед зданием фермы. Кто-то из боевиков остался лежать, нескольким во главе с Хасаном удалось отойти под защиту фермы. Русские боеприпасов не жалели и держали под огнем все окна фермы. Оба пулемета боевиков были уничтожены прямым попаданием снарядов из орудий БМД. Единственной возможностью отвечать на огонь десантников оставалась стрельба вслепую, особых результатов она не приносила.

– Не высовывайтесь из окон! – крикнул Хасан.

Приготовить гранаты!

Совершенно ясно, что десантники готовятся к атаке. Понятно это было и майору Тупчинскому. Шальная пуля зацепила его правое плечо. Он сидел на куче битого кирпича, наложив жгут на раненую руку прямо поверх куртки.

– Слышь, Хасан, – окликнул майор старшего из боевиков. – Тебе не кажется странным, что они атакуют только в лоб?

– Сзади засада, ты же видел.

– Очень странная засада – они больше не сделали ни одного выстрела.

– Может быть, выжидают?

– Чего?

Рвануло внутри фермы. Едкий дым заполнил помещение, осколки снаряда и кирпича хлестко ударили по стене.

– Что ты будешь делать? Времени осталось всего ничего. Они тебя еще минут пять подержат под огнем, а потом подойдут вплотную.

Хасан все это прекрасно понимал, но ничего противопоставить подавляющему огневому преимуществу русских не мог. У него осталось только два долга – вывести отсюда этого странного русского и подороже продать свою жизнь. О первом его предупреждал Шарип, а второе вытекало из характера Хасана и сложившейся обстановки.

– Слушай меня внимательно, майор. Я сейчас подниму всех людей и мы атакуем тех снайперов, которые находятся у нас в тылу. До леса доберутся немногие, но это лучше, чем сидеть здесь и ждать. Через минуту после моей команды ты и трое моих осторожно пойдете чуть левее. Там до леса идти дальше, но там, скорее всего, не ждут. Тем более, что мы тут будем шуметь.

Тупчинский кивнул. Это было действительно единственно возможное решение. То, что Хасан готов жертвовать собой и своими людьми для его спасения, майор воспринял как должное. Он вообще считал, что всем чуркам свойственно небрежное отношение к собственной и чужой жизни. Звери.

В течение тех двух минут, пока Хасан отдавал последний приказ, Тупчинский лихорадочно обдумывал судьбу пакета. Наконец, решил оставить его у себя. Вернуться без пакета к месту назначения было равносильно самоубийству.

– Ну, все, – прокричал подошедший Хасан, – мы пошли. Я оставляю с тобой троих – они сделают все возможное.

– Хорошо, – сказал Тупчинский и двинулся к боковому выходу, не обратив внимания на протянутую Хасаном руку. Тот несколько секунд выжидающе смотрел вслед майору, потом сплюнул и отдал приказ атаковать. Бросок чеченцев был остановлен практически сразу. Им

дали отбежать метров на пятьдесят от фермы, а потом группа уничтожения, вышедшая к ферме через лес, открыла огонь.

Первого сопровождающего Тупчинский потерял, когда они перелезли ограду. Двое других вместе с майором смогли добраться до леса и даже углубились в него метров на сто. Майор облегченно вздохнул. Сдвоенные выстрелы пистолета с глушителем были совершенно неразличимы на фоне стрельбы у фермы. Оба боевика упали. Тупчинский не успел вскинуть автомат.

– А мы за вами, товарищ майор, – раздался голос за спиной.

11 февраля 1995 года, суббота, 15-00, Москва.

– Что нового у нас по «Шоку»? – не здороваясь спросил Монстр. Он был явно не настроен на длительные разговоры и пространных объяснений тоже выслушивать не собирался. Сегодня Александра Павловича это устраивало. Информация была слишком обильной и, хотя несколько двусмысленной, но обнадеживающей.

– Судя по сообщениям военных, бой у фермы закончился быстро. Уйти никому из боевиков не удалось. Ни в числе пленных, ни среди мертвых интересующего нас человека не обнаружили. Есть основания полагать, что Крез погиб и пакет уничтожен.

– Как же это вам удалось такое предположить, не обнаружив тела, не имея подробной информации?

– Один из пленных подтвердил, что с группой был какой-то русский. Но когда боевики пошли на прорыв, он оставался в здании. А тех, кто остался в здании, опознать не удалось вообще – гвардейцы-десантники применили огнеметы «шмель». Могла бы помочь экспертиза, но тела убитых были переданы местным жителям для захоронения. Я думаю, что Крез мертв.

Александр Павлович вытер со лба пот и облегченно вздохнул. Незвестность висела над ним, как дамоклов меч, а сейчас, изложив информацию, Александр Павлович окончательно убедил себя в собственной правоте.

– Как ведет себя Виктор Николаевич? И этот его помощник?

– С Виктором Николаевичем мы как раз обсуждали наши дальнейшие действия по теме «Союз». Пришли к выводу, что нужно активнее действовать на Кавказе. Достигли полного взаимопонимания.

– Это хорошо, взаимопонимание – это очень хорошо. Кстати, Украина никак не всплывала в ваших разговорах?

Александр Павлович несколько удивленно взглянул на собеседника. Слишком часто напоминает тот о существовании сопредельного государства.

– Естественно, возвращались. «Спектр» – тема общая и с «Шоком» внешне никак не взаимосвязана. О том, что «Спектр» был приостановлен, вы знаете. Ни у кого это не вызвало возражения. Даже на самом верху дали добро на паузу по «Спектру».

– Только по «Спектру». Я вас прошу обратить особое внимание на действия других секретных служб на территории Украины. И на военно-промышленный комплекс.

Александр Павлович с трудом сдержался. Его раздражали попытки Монстра влезать в самые мелкие проблемы и желание первым быть в курсе всех новостей и операций.

– Группа по этому вопросу работает, информация поступает в полном объеме и, опять-таки, не имеет никакого отношения ни к «Шоку», ни к «Союзу».

– Не надо так нервничать, Александр Павлович. Хотя я вас понимаю, у самого все эти переплетения иногда вызывают мигрень. Признаюсь честно – иногда забываю, что делается по команде сверху, а что по собственной инициативе. Вся эта путаница горизонтальных и вертикальных связей меня ужасно раздражает. Как вы полагаете, когда мы сможем отдохнуть?

– У меня такое чувство, что никогда.

– Не надо отчаиваться, дорогой, не надо отчаиваться. Шок иногда помогает выйти из состояния каталепсии или прострации. А наш «Шок», помимо прочего, еще произведет и некоторые подвижки на самом верху.

– Я уже и не представляю себе, как переживу эти выборы в Госдуму. А там еще и президентские... Извините, мне пора.

– До свиданья, – сказал Монстр и, глядя вслед уходящему, подумал: «А ведь я тоже себе не представляю, как ты эти выборы переживешь».

11 февраля 1995 года, суббота, 18-35, Москва.

– Ну что, Миша, – Виктор Николаевич казался почти довольным, – майор Тупчинский задержан и находится на одной из наших баз. И, что самое главное, У него был изъят тот самый пакет. В целости и сохранности.

– Полностью разделяю вашу радость, – совершенно безрадостным голосом сказал Михаил. Он здорово устал за прошедшую неделю и не скрывал этого от начальника. Или, во всяком случае, активно демонстрировал ему свою усталость.

Виктор Николаевич помешивал ложечкой чай и рассматривал Михаила. Тот демонстративно потер веки, подавил зевок и потряс головой, словно отгоняя сон.

– Миша, мы с вами знакомы довольно давно и успели изучить друг друга достаточно хорошо. Так что можете не разделять мою радость. Я не обижусь. Более того, я даже предоставляю вам возможность объяснить, чем именно вам не понравилась моя информация.

– Виктор Николаевич, вы меня провоцируете, причем самым неприкрытым образом. Как я, по-вашему, должен реагировать на информацию, которая, во-первых, поступила к вам через меня, а во-вторых, из-за которой я должен буду выезжать из уютной и милой сердцу каждого оперативника столицы? Тем более, что, как всем известно, на поле боя карьеру не сделаешь.

Виктор Николаевич улыбнулся и поудобнее устроился в кресле, отставив в сторону пустой стакан. Отношения, которые сложились у него с Михаилом, могли раздосадовать рьяного сторонника инструкций и уставов, но вносили оттенок доверительности в работу.

– С чего же это вы, Миша, взяли, что вам предстоит дальний путь, да еще на поле брани? Решение я принял всего несколько минут назад и ни с кем еще его не обсуждал. Или вы снова пытаетесь продемонстрировать интеллектуальное превосходство над прямым начальством?

– Никогда. Вы же знаете мое трогательное отношение к субординации. Я надеюсь, вы заметили, что я пожираю вас глазами и все время держу на вас равнение, даже сквозь усталость и сон.

– Заметил, заметил. В вашем послужном списке это будет особо отмечено. А теперь я все-таки хочу услышать ваши предположения.

– Докладываю. По сведениям, полученным от Александра Павловича, майор Тупчинский был захвачен после падения вертолета чеченцами и зверски замучен. Более того, вы имели возможность лично ознакомиться с информацией, найденной на теле убитого. Теперь же мы получаем известие о том, что майор жив и относительно здоров. И пакет находится при нем. Аксиома первая – в столицу майора доставлять не следует, чтобы не расстраивать прежде времени Александра Павловича. Аксиома вторая – допрос придется проводить на месте, а наша группа, судя по всему, недостаточно для этого информирована. Вывод: кто-нибудь, хорошо знакомый с проблемой, должен выехать на встречу с Тупчинским и прокачать его, горяченького. И на месте решить, что с ним делать дальше.

Виктор Николаевич одобрительно кивнул:

– Согласен, но почему такая уверенность в выборе именно вашей кандидатуры?

– Всем вышеназванным требованиям отвечают только двое – вы и я, по моим сведениям, во всяком случае. Вам еще предстоит разрабатывать планы с Александром Павловичем, исходя из полученной информации. Лететь нужно как можно скорее.

– Ну хорошо, убедили, отправляться придется именно вам. Только пара нюансов. Официально вы едете для того, чтобы подготовить базу и людей для возможной операции. Александр Павлович лично утвердил вашу кандидатуру для этой цели. Самолет через полтора часа, и вам нужно успеть собраться.

– Кто предупрежден, тот вооружен, Виктор Николаевич. Вещи у меня уже готовы, так что верных полчаса на раскачку есть. Только вот пара вопросов, если вы не возражаете.

– Я не возражаю, если они не интимного характера.

– Я никогда не смешиваю дела интимные и служебные. Но если серьезно, то было бы неплохо, если бы вы мне сообщили, что за группа работала по Тупчинскому. Ну, поиск и наблюдение провели добровольцы. На начальном этапе. Но точный выход и изъятие... насколько я знаю, подобные специалисты в Чечне не слишком часто встречаются. И все на учете у... у наших коллег.

Виктор Николаевич обернулся к столу и вытащил из ящика папку. Не раскрывая протянул ее собеседнику.

– С вами очень сложно работать, Миша. Вы слишком внимательны.

– Профессия такая.

– Мы действительно не смогли вывести из-под контроля ни одну из наших оперативных групп. Малейшее их движение – и никакая, даже самая достоверная легенда не помогла бы. Откройте папку. И посмотрите на фотографии. Вам в любом случае пришлось бы знакомиться с ними на месте.

Михаил открыл папку. Неторопливо переложил несколько фотографий, по несколько секунд задерживаясь над каждой.

– Некоторые лица действительно знакомы. Вот с этим вместе стажировались, а вот с этим участвовали в нескольких операциях. Но, если я не ошибаюсь, после девяносто первого года они остались на Украине. И, похоже, профессию не сменили.

– И даже совершенствовали свои навыки. Это фотографии членов разведывательной группы, работающей в Чечне. Сбор военной и политической информации. На территории Российской Федерации – нелегально. В случае необходимости могут уйти к Дудаеву, как члены украинской националистической организации. Имеют связь с чеченцами, с Киевом и с нами.

– Лихо, что-то подобное я предполагал, особенно в свете наших проектов по Украине.

– И, кстати, о проектах. Вы мне рассказывали о вашем перспективном кандидате. Он журналист?

– Журналист.

– Так может, попытаться его пригласить в Чечню для сбора информации? И там побеседовать.

– Отпадает. Наши психологи говорят, что он пока еще не готов к прямому контакту. Кроме того, сам он интереса к этой проблеме пока не проявляет. Он, как оказалось, интересуется убийством в симферопольском поезде. Причем, его – единственного из всех журналистов – заинтересовали личности убитых.

– Откуда такие сведения?

– Сведения из нашего аналитического отдела. По его просьбе некий господин пытался пообщаться с родственниками погибших. Сегодня с утра пораньше.

– Забавно. Вам не кажется, что этим вопросом следует заняться? Такая прыть не может оставаться без внимания.

– И не только без нашего. Когда человек, входящий в список кандидатов, начинает вести себя подобным образом – это может переполошить очень и очень многих.

– Ну хорошо, Миша, вы спокойно езжайте. Когда прибудете на место – свяжитесь со мной. А работу с этим любознательным хохлом продолжать в обычном темпе. Все остальное о

нем пусть копают наши коллеги. Эта утечка касается их в большей степени. Оба встали, пожали руки.

– И последнее, – неожиданно сказал Виктор Николаевич, когда Миша уже открыл дверь, – осторожнее там.

– Я всегда осторожен, до трусости.

Собиратели и охотники в ракурсе милицеских сводок. «Еженедельные ведомости», № 6 за 1995 год.

Рассуждая о причинах падения урожайности, нехватки продуктов и других жизненно важных вещей, эксперты, на наш взгляд, упускают один очень важный фактор. Если во всем мире – в развитых и недоразвитых странах – общество делится на богатых и бедных, работающих и безработных, то у нас все общество разделилось на три основные части: огородников, охотников и собирателей. И если о деятельности славной когорты огородников мы узнаем на рынках или на примере своей семьи, то информацию о свершениях охотников и собирателей лучше всего дают милицеские сводки.

Итак, что отличает охотников от собирателя? Собиратель живет тем, что заботливо подбирает все оставленное без внимания. Причем особенную прелесть в собирательстве находят те, кто может тихо ходить и уносить, что плохо лежит.

Лучше всего заниматься собирательством в отсутствие хозяина, иначе можно вместо ожидаемой прибыли нарваться на неприятности. Так и случилось с неработающими, которые на вещевом рынке «собрали» у частного предпринимателя кожаную куртку. Их задержала милиция, за что они должны быть ей благодарны. Потому что за день до этого очень не повезло одному сорокачетырехлетнему собирателю, покусившемуся на джинсовую куртку приятеля. Вначале была выпивка, потом собиратель пытался уйти с чужой вещью, но был остановлен хозяином куртки и двумя его друзьями. Вначале его били руками, отучая тянуть у своих, потом ногами. После неожиданной смерти воспитуемого, тело вынесли во двор и при помощи керосина пытались то ли сжечь, то ли зажарить. Такой печальный конец ожидал собирателя только потому, что он столкнулся с представителями другой составной части общества – охотниками. Если собиратель всячески старается избежать контактов с бывшим владельцем материальных ценностей, то охотник действует по принципу: «Не убив медведя, шкуры не снимешь». Причем тезис «Убить медведя» далеко не всегда принимается фигурально.

Охотник может охотиться с любым оружием. Отечественный охотник по широте ассортимента используемого оружия оставил далеко позади себя всех японских ниндзя. В уголовной практике города известен случай, когда женщина отправила к праотцам своего соседа всего одним ударом швабры. Двадцатидвухлетний охотник на днях убил своего собутыльника при помощи двух видов оружия – вначале оглушил бутылкой по голове, а потом довел жертву до состояния покойника резинкой от подтяжек.

Очень часто охотник не стремится получить ничего, кроме удовольствия. Таких можно назвать спортивными охотниками.

Кстати, о сафари. Если вы думаете, что для участия в африканском сафари нужно ехать куда-нибудь в район Нигерии, то вы глубоко заблуждаетесь. Оказывается, даже в нашем городе водятся настоящие нигерийцы. Более того, нашему местному охотнику удалось выследить нигерийского принца-студента одного из вузов в тот момент, когда тот хотел поменять тысячу шестьсот интернациональных долларов на украинскую национальную валюту. После этой встречи принц лишился кровных долларов – охотник не демонстрировал принцу ловкость рук, ограничиваясь мошенничеством, полагая, как видно, что принцу надо дать возможность и дальше менять родные доллары на наше радушие.

Если кто-то из читателей вдруг предположит, что слово «охота» произошло от названия Охотского моря, пусть напрасно не питает иллюзий. Этот термин происходит от скромной фразы: «Очень хочется».

Александр Заренко.

13 февраля 1995 года, понедельник, 17:30 по Москве, Чечня.

Виктор Николаевич с большим интересом изучал документы, которые Александр Павлович передал ему как найденные у якобы погибшего майора Тупчинского. Странное чувство испытывал он при этом. И карта, и текст производили впечатление подлинных. Более того, увиденное на Кавказе Михаилом косвенно подтверждало правдоподобность документов, которые по определению должны бы быть фальшивкой. Настораживало еще то, что Александр Павлович полностью передал всю разработку силовой акции в Чечне Виктору Николаевичу, переключив в его подчинение своих людей. Он слишком активно сотрудничал – это было необычно.

Михаил сообщил, что вошел в контакт с украинской группой и провел предварительный допрос Тупчинского. Тот не был особо расположен говорить правду, и Виктор Николаевич все больше склонялся к тому, чтобы принять предложение Михаила и дать добро на переброску Тупчинского в спеццентр под Москвой.

Необходимо было только обосновать возвращение Михаила, который одновременно с Тупчинским должен был доставить и пакет документов. Единственным способом понять, что именно планировал Александр Павлович было сличение подделки и оригинала. Михаил ждал решения Виктора Николаевича, а тот мучительно раздумывал над тем, как это сделать, не вызывая подозрения.

Наконец, приняв решение, Виктор Николаевич снял телефонную трубку и набрал номер:

– Слушаю, – после третьего гудка ответил Александр Павлович.

– Добрый вечер, Александр Павлович.

– Еще раз здравствуйте, Виктор Николаевич, – довольно приветливо ответил тот. – Чем занимаетесь?

– Пытаюсь решить вашу головоломку. По всем нашим прикидкам выходит, что без привлечения войск не обойтись. Иначе нам придется стягивать специальные группы со всей страны.

– А что сообщает ваш посланник? Он уже успел немного осмотреться?

– Я с ним только что говорил. Он утверждает, что для точного и эффективного воздействия необходимы тщательная проработка и взаимодействие с войсками. Все это отодвигает время нашей операции на неопределенный срок. У нас, исходя из предварительных данных и результатов работы аналитиков, есть запас времени до двух месяцев. Время терпит.

– Так вы полагаете, что в ближайшую неделю-две операция по уничтожению Центра в Чечне проведена быть не может? – уточнил Александр Павлович.

– Мы не сможем гарантировать ее результатов на сто процентов.

– Тогда давайте поступим следующим образом. Пусть ваш человек немедленно вылетает в Москву и возьмет на себя разработку операции. А все наши силы в Чечне нужно нацелить на сбор информации и наблюдение за деятельностью центра. Главное – не пропустить выдвижение первых групп к нам в тыл.

– Я прошу обратить внимание на возможное использование пленных в качестве исходного материала в работе Чеченского центра. Не хотелось бы рисковать. Я консультировался у наших ученых, они утверждают, что исследования группы «Сверхрежим» позволяли провести обработку исходного материала за пять-шесть месяцев. В случае использования наших пленных лаборатория Чеченского центра произведет первый выпуск к июню, что опять-таки подтверждает те сроки, которые были приняты нами, как вероятные. Но если они будут использовать тех, кто был захвачен в конце прошлого года, во время боев с антидудаевской оппозицией, то мы можем ожидать первого выпуска уже на днях.

– Что опять требует быстрых действий, – закончил Александр Павлович. – Отзывайте своего человека в Москву и как можно быстрее. Как вы, надеюсь, понимаете, на самом верху весьма и весьма обеспокоены.

15 февраля 1995 года, 15-25, Подмосковье.

Раненых из самолета выгружали быстро, но без сует. Носилки с тяжелоранеными сразу ставили в машины – было ветрено и холодно. Возле трапа, чуть в стороне, чтобы не мешать потоку, стоял майор медицинской службы и внимательно всматривался в лица прибывших.

– Кого-то ждете? – спросил врач, дежуривший на аэродроме.

– Жду, особое распоряжение начальства, – ответил майор, не отрывая взгляда от трапа.

– Чей-то родственник? – понимающе спросил врач. Он уже неоднократно наблюдал, как вместе с тяжелоранеными привозили солдат и офицеров с легкими ранениями, но с большими связями.

– А мне не сообщили, – досадливо поморщился майор, – мне нужно доставить подполковника Никоненко прямо на операционный стол. Не дай Бог что не так – я себе даже не представляю, что со мной сделают.

– Полковник Никоненко? – врач полистал сопроводительные документы. Есть полковник Никоненко, тяжелое ранение в голову...

Врач присвистнул. Полковнику не повезло. Если он с такими повреждениями головы выживет, то лицо придется собирать по кусочкам. Да и в этом случае особо много не сделаешь.

– Похоже, полковник ваш имеет связи – он прибыл с сопровождающим, судя по документам.

Майор не ответил. На трапе появились новые носилки, а перед ними шел капитан, которого майор, по-видимому, знал в лицо.

Капитан и майор обменялись рукопожатиями и быстрым шагом прошли к стоящей неподалеку военной машине «скорой помощи». Носилки пронесли следом и быстро загрузили через заднюю дверь.

Дежурный врач успел заметить бинты, плотно облегающие голову, и шинель с погонами подполковника поверх одеяла.

«Скорая помощь» выехала через КПП и, включив мигалку и сирену, направилась к Москве.

Майор, севший возле водителя, обернулся к капитану:

– Добрались без приключений?

– Все прошло наилучшим образом. Мне даже не пришлось делать ему дополнительных уколов. Спит уже почти сутки. – Майор кивнул, потом наклонился к водителю: «Не проскочи поворот!» Водитель ничего не ответил. Через пять километров он выключил мигалку и сирену, сбросил скорость. Еще через два километра съехал с шоссе на грунтовую дорогу, ведущую к лесу.

Метрах в трехстах от опушки «скорую помощь» ожидал микроавтобус «мерседес». Из «мерседеса» вынесли носилки и поставили их на землю. На освободившееся место поставили носилки из «скорой помощи». Потом «скорая» развернулась и ушла в сторону города. «Мерседес», в который переложили подполковника, выехал на просеку, потом через несколько километров вырвался на шоссе. Майор, сопровождавший раненого, обернулся к лежащему на носилках. Тот пошевелился и что-то невнятно пробормотал.

– Через сколько минут мы будем на месте? – спросил майор у водителя.

– Минут через десять.

Майор наклонился к перевязанному, поправил ремни, которыми тот был привязан к носилкам. Похлопал по плечу и тихо сказал, близко наклонившись к забинтованной голове:

– Спокойно, Тупчинский, еще несколько минут.

Тупчинский попытался что-то ответить, но майор не стал вслушиваться:

– Не нужно волноваться, еще несколько минут и вы сможете поговорить от души.

...Тело подполковника Никоненко было доставлено в госпиталь. Врач, бегло осмотрев его, удивленно взглянул на сопровождавшего капитана.

– Он уже несколько часов как мертв.

Глава 5

17 февраля 1995 года, пятница, 13-25 по Киеву, редакция газеты «Еженедельные ведомости», Город.

У меня зазвонил телефон. Вернее, меня позвали к телефону, сообщив, что междугородка. Из Москвы, наконец-то, звонил Парамонов.

– Ну, Серега, лучше, конечно, позже, чем никогда, но если ты звонишь по поводу тех двух покойников, то ты уже опоздал. Ну нельзя же, в самом деле, столько тянуть. Мне это было нужно не позднее пятнадцатого. А сейчас уже...

– Знаешь, Саша, я тебе звоню только потому, что неплохо к тебе относился. Похоже на то, что одного из нас здорово купили.

– То есть как?

– А вот так. Ты меня куда направил? Сережа, милый, посмотри, пожалуйста, в Москве на улице Киргизская, дом 8, и на улице Мастеркова, дом 3, семьи трагически погибших в поезде. Поспрашивай о привычках и семейном положении.

– И для того, чтобы эту просьбу выполнить, ты потратил столько времени?

– Я мог бы еще больше потратить. Меня чуть с пятого этажа не спустили.

– Родственники покойного?

– Сами покойные.

– Не понял.

– А чего тут понимать? Марков Владимир Сергеевич, 1960 года рождения, продолжает проживать по адресу: улица Киргизская, дом 8, квартира 96. А Веренко Андрей Иванович даже не собирался никуда съезжать со своей квартиры, тем более, в Крымском направлении. Живы они оба и здоровы. Кинули тебя, шакал пера, как пацана.

– Не могли меня кинуть, не могли. Я мог, в лучшем случае, ошибиться, но не по обоим же адресам.

– В любом случае, претензии не ко мне. Пока, – сказал Сережа Парамонов и отключился от связи, даже не передав приветы всем родным, хотя в спокойном состоянии он человек вежливый и воспитанный.

Я же, несмотря ни на что, успел написать материал, да еще с лихо закрученной интригой. Я оказался единственным в стране, кому пришло в голову, что киллерам несвойственно напиваться на работе. Я вообще не пью, то есть абсолютно ничего и даже не тянет. И за свои тридцать два понял, что пить на работе позволено только дегустаторам и журналистам. Еще, наверное, принять грамм сто разрешено дипломатам, но это уже вне моего информационного поля. А наемные убийцы вообще производили на меня впечатление людей трезвых и выдержанных. Получив заказ и аванс, киллер поездом отправляется в Крым и в дороге вдруг напивается самым пошлым образом. Странно. Дальше – больше. Он не просто напивается, а вступает в ссору и убивает вместо оплаченного мафиози двух ни в чем не повинных попутчиков. Интимная подробность: в обойму пистолета ТТ вмещается только семь патронов. Если кто-то желает выстрелить из ТТ восемь раз, то ему придется загнать патрон в ствол, потом вынуть обойму, дозарядить ее, и только после этого будет позволено нажать на спуск целых восемь раз. Один нюанс. ТТ имеет мерзкую особенность срываться с предохранителя от толчка или удара. Транспортировка патрона в стволе чревата последствиями. Надо быть по меньшей мере наивным человеком, чтобы тащить взведенный пистолет через таможеню. Вывод: наемный убийца, прежде чем в слепой ярости броситься убивать двух врагов, спокойно проводит процедуру заряжения восьмого патрона и только после этого безошибочно направляется в четвертое купе

вагона «люкс» и, открыв дверь, сразу же начинает палить из пистолета. Он так торопится, что целых четыре пули уходит через стекло окна. По две пули достаются врагам, сидящим по обе стороны от ствола. Ни одна пуля не попала ни в стену, ни в койку. И это еще не все. Выскочив из поезда, который шел на юг, «засветившийся» наемный убийца даже не пытается менять маршрут, он тупо нанимает машину до Запорожья и, на всякий случай, чтобы милиция не потеряла его след, палит по пролетающим птицам, производя неизгладимое впечатление на водителя. А затем просто засыпает в машине. Это уже потом он устраивает истерику в милиции, чтобы они, не дай Бог, не подумали, будто он ехал в Крым просто так.

Между прочим, классная история, особенно, если учесть, что высосана из пальца и преследовала собой только одну цель – восстановить мое реноме в глазах заинтересованной общественности. Ни в одном детективе еще никто не додумался прикрыть внешней видимой случайностью путь к главному, заказанному убийству.

И тут такой «сюрприз» со стороны Парамонова. Не исключено, что свинью подложил Гена Котляр – милиционер и журналист. Хотя он тоже принципиально не способен так подставить. С этой мыслью я проходил целый день, потом поел, обильно приправляя ужин размышлениями над тем, где же прокол. И только в постели меня вдруг озарило.

Я попал в положение художника, нарисовавшего портрет человека по воображению и встретившего своего героя на улице. Не бывает совсем, и только по той простой причине, что не может быть никогда. По всему выходило, что я умудрился ткнуть пальцем в самое уязвимое место. Похоже, что тот самый убийца действительно собирался убить не мафиози из Крыма, а двух простых челноков из четырнадцатого вагона. А помимо всего прочего, это значит, что меня, такого умного и замечательного журналиста, сейчас может сильно кто-то не любить. Причем нелюбовь этого неизвестного свободно может обернуться пулями в голову, печени и других болезненных местах. Спать мне совсем расхотелось. Мне захотелось опубликовать что-нибудь в виде извинения. Большими-большими буквами через все тридцать две страницы еженедельника: «Я больше не буду таким умным». Хотя, наверное, уже поздно. Если они чего-нибудь уже решили. Под утро я просто заставил себя уснуть. И это был не самый спокойный момент моей жизни. Один раз, только один раз в жизни я так реально ощутил испуг, когда мне передали пожелания одного очень-очень влиятельного человека организовать мне очень-очень большие неприятности. Меня тогда здорово выручило то, что он ляпнул это во всеуслышанье. А потом его с трудом отговорили друзья моих друзей. Здесь же я просто не мог себе представить, где искать эти «неофициальные каналы». Единственное, что успокоило меня – это нежелание возможных заказчиков того убийства особенно светиться. Ну, написал и написал. Мало ли что мог насочинять этот писака? А вот если писака вдруг загнется, то слишком многие могут обратить на это внимание. Журналистам думать вредно. Лучше всего писать статьи о магазинах и презентациях фирм. Там, во-первых, поят, а во-вторых, кормят. А за очень хорошую статью могут даже одеть и заплатить. Многие этим и живут, называясь писателями и журналистами.

Я всегда знал, что журналистика – вещь грязная. А теперь все больше и больше убеждаюсь, что она еще и опасная. С этими веселыми мыслями я и проснулся.

17 февраля 1995 года, 21-30, Москва.

Когда Монстр вызвал Александра Павловича к себе по телефону, тот по тону уловил, что разговор будет не слишком приятный. Уже перед самым коттеджем Монстра в голову Александра Павловича пришла мысль, что последнее время его разговоры с Монстром, как правило, касаются вещей неприятных. Причем, относилось это, в основном, к вопросам конфиденциальным. Обычная, рутинная работа проходила без сбоев и накладок. По дороге от машины к дому, а потом мимо охраны через длинный коридор к кабинету Александр Павлович размышлял над этим. Парадоксально, но если бы он не занимался этими операциями с Монстром,

жизнь его была бы куда спокойнее. И уже перед самым кабинетом мелькнула странная мысль, которую он попытался немедленно отбросить – его аппарат, налаживанию которого он отдал столько времени и сил, работал без сбоев только тогда, когда выполнял свои основные задачи. Ни полностью отбросить эту мысль, ни оформить ее до конца Александр Павлович не успел – один из телохранителей Монстра распахнул дверь в кабинет.

Монстр был в состоянии, которое люди, хорошо его знавшие, расценивали как ярость. Люди непосвященные, в лучшем случае, заметили бы легкую игру желваков. Монстр сидел за письменным столом, перед ним лежали развернутые газеты.

– Добрый вечер, Александр Павлович. Простите меня, пожалуйста, за беспокойство в такое позднее время, но обстоятельства сильнее нас. Вы присаживайтесь, Александр Павлович.

«Боже мой, – подумал Александр Павлович, – он в таком состоянии, что может сделать что угодно». А что мог сделать Монстр, Александр Павлович представлял себе достаточно хорошо.

Монстр подождал, пока гость сядет в кресло напротив, и постучал пальцем по газетам:

– Вы читаете прессу? Хотя бы иногда?

– Если честно, то очень редко. Мне подбирают наиболее интересные материалы. Мой референт...

– А ваш референт просматривает газеты сопредельных государств? Для разнообразия?

– Иностранные газеты и журналы у нас обрабатывает аналитический отдел. По официальным каналам.

– И отслеживание акций по «Шоку» вы тоже поручаете аналитическому отделу по официальным каналам? – Монстр даже повысил голос, чего, на памяти Александра Павловича, с ним не случалось уже лет пять.

– Естественно, нет, – ответил Александр Павлович, лихорадочно пытаясь сообразить, что именно могло проскочить в средства массовой информации да еще сопредельных государств. И, как назло, ничего не приходило в голову.

– Почему, в таком случае, вы себя совершенно смело называете руководителем организации, основной задачей которой является сбор и анализ информации? Почему я раньше вас по своим каналам узнаю о ниагарском водопаде информации, которая течет у вас под самым носом?

– Простите, пожалуйста, но я не могу отслеживать все газеты всех стран. У меня и без того практически нет свободного времени и людей. И новых людей я не могу подключать к этому делу. Или, во всяком случае, информировать. – Александр Павлович наконец не выдержал. Усталость и злость выплеснулись наружу, и он потерял на несколько секунд контроль над собой. – Вы лучше, чем кто-либо, знаете, в каких условиях приходится работать. Мне нужно следить за тем, чтобы обеспечить не только выполнение «Шока», но и за тем, что бы никто не смог вклиниться в операцию. Кроме этого, я веду разработку «Спектра», на этот раз, слава Всевышнему, официально, хотя бы на пятьдесят процентов. Это не считая всего остального. Извините, но мне надоели постоянные недомолвки и претензии. Нельзя эффективно вести две таких операции, как «Шок» и «Спектр», одновременно.

По мере того, как Александр Павлович говорил, Монстр успокаивался. Он был удовлетворен тем, что ему удалось заставить обычно осторожного в выражениях Александра Павловича раскрыться, хотя бы частично и признаться в своей недостаточной компетенции.

– С сегодняшнего дня можете обе операции объединить в одну. И «Шок», и «Спектр» начали потихоньку срастаться. И я не удивлюсь, если к ним будут добавляться все новые и новые компоненты. Если бы вам удавалось внимательно следить за украинской печатью, то вы бы с интересом прочитали в одной из приграничных газет интересное сообщение о происшествии в поезде «Москва—Симферополь» восьмого февраля этого года. Цитирую, – Монстр надел очки и подвинул к себе газету. – «Все перечисленные странности убийства в четырь-

надкатом вагоне заставляют задуматься над тем, а кого именно должен был застрелить киллер: тех, чьи фотографии были обнаружены при обыске, или тех двоих москвичей, которых он так оперативно и мастерски убрал? В конце концов, именно эти восемь выстрелов из семизарядного пистолета оказались единственными профессиональными действиями профессионального убийцы». Конец цитаты.

Александр Павлович сидел и сосредоточенно рассматривал свои ногти, стараясь дышать размеренно, чтобы уменьшить количество адреналина в крови. Прочитанное Монстром было слишком плохо даже для последнего времени, не слишком часто радовавшего удачами.

– Какие будут комментарии, Александр Павлович? – скупой улыбнулся Монстр. – Кто все это организовал для нас? Неужели вездесущий Виктор Николаевич?

Александр Павлович покачал головой. Как бы он ни подозревал своего подчиненного в противодействии, но согласиться с предположением Монстра он не мог.

– Очень трудно делать какие-либо предположения вот так, навскидку, но даже если бы Виктор Николаевич и вычислил, кто убрал его оперативников, то размещать об этом информацию в газете он стал бы в последнюю очередь. Эта публикация ему ничего не даст. Кто-то может попытаться спровоцировать нас...

– Хорошо, давайте себе представим, что утечка произошла не по воле Виктора Николаевича. Некто, достаточно хорошо информированный о наших внутренних делах, решил взорвать небольшую бомбу. Так или иначе, но Виктор Николаевич должен будет заметить эту статью и на нее отреагировать. Так или иначе. Согласны?

– Согласен.

– Очень хорошо. Мы с вами, кажется, начинаем достигать консенсуса. Не хотите обмыть это событие несколькими каплями коньяка? Я думаю, это нам с вами не повредит.

Не дожидаясь согласия Александра Павловича, Монстр встал и прошел через кабинет к бару. Взял бутылку коньяка и пару стаканов. Несмотря на свой возраст, Монстр двигался мягко и не без изящества. Монстр до сих пор поддерживал неплохую спортивную форму, что позволяло ему принимать активное участие в спортивной жизни руководства страны. Монстр любил бывать на виду, не избегал журналистов и совершенно не ассоциировался у общественности с принадлежностью к каким бы то ни было секретным организациям и операциям.

Разлив в стаканы коньяк, Монстр снова сел в кресло:

– А давайте мы с вами пофантазируем, Александр Павлович. Давайте предположим, что Виктор Николаевич тут не при чем. Назовем нашего оппонента Неизвестным. Что мы о нем знаем – он неплохо информирован о наших внутренних проблемах и, похоже, имеет некоторые интересы на территории Украины. Если мы отреагируем на этот материал – мы неизбежно насторожим Виктора Николаевича. Единственный выход на этого Неизвестного – журналист. – Монстр заглянул в газету. – Заренко. Какие будут предложения?

– Я думаю, стоит на всякий случай прогнать через компьютер эту фамилию. А вдруг у нас на него что-нибудь есть? Тогда и будем строить нашу стратегию.

Монстр удовлетворенно кивнул и пригубил коньяк.

– Я очень рад, что у нас с вами совпадают точки зрения. Сразу же после получения этой газеты я связался с нашими архивами.

Монстр сделал паузу и снова отхлебнул коньяка. «Сейчас достанет кролика из шляпы», – подумал Александр Павлович. И Монстр оправдал его подозрения:

– Уважаемый украинский журналист находится в поле зрения еще с тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

– Диссидент?

– Ни в коем случае. Особый отдел Северной группы войск пытался завербовать рядового Заренко для осведомительской работы. Он отказался.

– И что дальше?

– А дальше, что очень странно, он был включен в список кандидатов для вербовки в Комитет госбезопасности. И что еще более странно, перед самой демобилизацией ему было предложено поступать в Высшую школу КГБ и он снова отказался. Но и после этого он остался в списке.

– Есть пояснения в досье?

Монстр засмеялся и удовлетворенно откинулся на спинку кресла:

– Я был уверен, что вам понравится эта история.

Я, естественно, не успел ознакомиться с делом настолько подробно. Просто перечисление фактов. Еще одна попытка вербовки была осуществлена после окончания им университета, весной тысяча девятьсот девяносто первого года. Все это должно было происходить на сборах по подготовке офицеров запаса. Но товарищ Заренко в военкомат не явился, а в августе грянули те самые события. Вам не кажется, что все это звучит как детективный роман?

– Кажется, но все это может иметь и много других объяснений.

– Точно так же думаю и я, – согласился Монстр, – и я уверен, что более подробное знакомство с личным делом этого журналиста многое прояснит. Однако, уважаемый Александр Павлович, есть в этом деле еще кое-что, что заставляет меня объединять «Шок» и «Спектр», который совсем недавно мы несколько заморозили. По моей просьбе эту фамилию дважды прогнали через компьютер, она всплыла в списке возможных кандидатов для привлечения в ходе осуществления «Спектра». И это уже заставляет взглянуть на все несколько по-другому.

– Но этот список готовился официально.

– И его готовили люди Виктора Николаевича. Если я не ошибаюсь.

– Вы не ошибаетесь. Но это его работа, и задание его отделу давал я. И журналист, естественно, мог попасть в этот список.

К Александру Павловичу вернулось спокойствие. В своей жизни он неоднократно сталкивался с совпадениями, которые выглядели куда загадочнее.

– Я не буду настаивать. Но хочу попросить вас внимательно рассмотреть еще одно совпадение. Мы притормозили «Спектр», и на Украине из-под пера одного из фигурантов этой операции сразу же выходит очень и очень провокационное произведение. Я жду вас завтра здесь с предложениями и набросками.

Прощаясь, Монстр не подал руки, и Александр Павлович счел это плохим знаком. «Нужно подумать о безопасности», – мелькнула мысль.

12 февраля 1995 года, воскресенье, 12-15, Москва.

Александр Павлович пребывал в хорошем настроении. С газетой все неожиданно удачно прояснилось. После близкого знакомства с досье этого украинского журналиста многое стало на свое место. Как и предполагал Александр Павлович, Монстр сгущал краски. Не было в деле Заренко ничего особо настораживающего. Просто человек несколько раз оказывался не в том месте и не в то время. Характеристики действительно делали его очень желательным кандидатом на вербовку, но не более того.

Случай со статьей был первым и единственным активным вторжением Заренко в сферу деятельности специальных служб.

Став журналистом, он больше занимался криминалом, да и то слишком мелким для того, чтобы привлечь внимание общественности к своей особе.

Оставалась еще небольшая вероятность того, что вербовка произошла после девяносто первого года, когда специальные службы разделились по национальному признаку, а архивы большей частью были продублированы. Существовала большая степень вероятности, что кандидата для вербовки КГБ перехватила Служба безопасности Украины. Или еще кто-нибудь. Тогда статья объяснялась деятельностью спецслужб Украины, или еще кто там мог вмешаться.

В той каше, которая сейчас варилась в приграничных районах Украины, могло произойти все, что угодно. Только служба Александра Павловича вела в том регионе несколько операций одновременно, постоянно наталкиваясь на следы деятельности других спецслужб. До недавнего времени все эти службы старались обходить друг друга стороной. Иногда даже обменивались информацией. Завершение «Спектра» должно было полностью изменить ситуацию в пользу России. И вот теперь некто демонстрирует свою осведомленность как минимум по нескольким позициям «Спектра».

Александр Павлович провел несколько часов в размышлениях, несколько раз возвращался к архивам и посылал запросы к смежникам. Тщательно проанализировал результаты подготовительного этапа «Спектра» и в его голове постепенно начал складываться план.

Как и следовало предполагать, многочисленные выходы на Заренко были. Прямые или косвенные, они позволяли достаточно эффективно воздействовать на него. Не исключено, что именно через один из этих выходов и поступила к журналисту информация о стрельбе. Тогда его используют втемную. Но и тогда Заренко оказывается единственной ниточкой, ведущей к потенциальному противнику. Александр Павлович поморщился. Он ужасно не любил всех этих околорасследовательных штампов, типа «ниточки к разгадке». Нужно было отреагировать на статью, но так, чтобы это было понятно только тем, на кого эта реакция рассчитана. Более того, если Заренко используют втемную, то и для него самого все это будет непонятно. Знакомство с другими материалами за подписью Заренко позволило четко определить круг его профессиональных интересов. Уголовники, мелкие жулики, местные проблемы и свершения. Первое, что было необходимо сделать – обеспечить некоторое число проблем журналисту. Через уголовников, так через уголовников. Это несколько притормозит возможную прыть газетчика и покажет тем, кто стоит за ним, что мы можем отреагировать. Кстати, в этом же номере, как подсказали аналитики, Заренко подготовил для себя потенциальную неприятность. Психолог утверждал, что все черты характера журналиста указывают на то, что он неизбежно ввяжется в потасовку. И в дело вступят силы, которые значительно осложнят жизнь писателю и даже с ним. Если эти таинственные информаторы только пошевеливаются, чтобы помочь своему человеку, их можно будет засечь. Если же они не отреагируют, то тогда можно будет поступить в зависимости от обстоятельств. События нужно подхлестнуть. Александр Павлович собрал бумаги в папку и вызвал машину к подъезду. Об этих вещах лучше говорить с Монстром лично.

Из статьи в газете «Еженедельные ведомости» (№ 7, 17-24 февраля): «Скарб: сто и один учредитель».

Пока председатель правления банка «Скарб» находится в следственном изоляторе в ожидании решения Верховного суда Украины, в самом банке происходят события, мягко говоря, необычные.

Совет банка проголосовал за проведение аудиторской проверки. Одной из причин такого решения стало обвинение некоторыми членами совета председателя совета господина Лузьева в злоупотреблении служебным положением. По информации, полученной от одного из работников банка, обвинения основываются на следующем.

Всякий учредитель имеет право получения льготного кредита на сумму, равную величине его взноса. Внесший в уставной фонд миллион карбованцев может, но только один раз, взять в кредит миллион под десять процентов годовых. Г-н Лузьев, с 4 января исполняющий обязанности председателя совета банка, одновременно является исполнительным директором Межрегиональной ассоциации «АОП», которая внесла в уставный фонд «Скарба» изрядную сумму. На эту же сумму АОП получила самый льготный кредит как юридическое лицо. Господин же Лузьев решил получить немного сверх этого, и свое желание в марте-апреле прошлого года осуществил трижды, под забавные 25% годовых. Будучи при этом человеком компанейским и широким по натуре, Лузьев не возражал против того, чтобы еще два руководителя АОП получили в «Скарбе» льготные кредиты. Г-н Антонов – трижды под 15%, а г-н Рыженко – всего

один, под те же симпатичные 15% годовых. Самый элементарный подсчет может показать, что в результате такого кредитования банк понес крупные убытки.

Очень своеобразно выглядит связь господина Лузьева с концерном «Темп».

По словам одного из членов совета банка и некоторых его учредителей, процесс установления контроля «Темпа» над банком «Скарб» шел довольно активно. По рекомендации того же Лузьева в число учредителей банка были приняты три фирмы: «Икс», «Щит» и «Виктория», входящие в холдинг «Темп». Кроме этого, учредителями стали еще сто два человека, передавшие по доверенности свои голоса президенту «Темпа» Валерию Новикову. Сам Новиков факта не отрицает, однако не соглашается с количеством. Те же из ста двух, с кем корреспонденту отдела расследований удалось поговорить, утверждают, что все бумаги на учредительство «Скарба» оформлялись людьми Новикова, лишь паспорта были представлены учредителями.

Дело в том, однако, что на сумму взносов, а это весьма внушительная сумма, был получен кредит (опять-таки, льготный), о чем «учредители» не догадывались. Из сего следует, что их подписи при получении кредита были подделаны.

Господин Новиков отрицает свое участие в афере, как отрицает участие своих капиталов в Межрегиональной ассоциации «АОП», исполнительным директором которой является Лузьев. По имеющейся информации, однако, в уставной фонд АОПа деньги были внесены от «Темпа». Таким образом, при голосовании – а в банке голосование происходит паями – г-н Новиков получал гарантированное большинство. Каким образом использовал свои возможности и как на это влиял Лузьев – покажет аудит, а там, глядишь, и уголовное дело.

Евгений Дымченко, Запорожье.

21 февраля 1995 года, понедельник, 10-30 по Киеву, Город.

Как повелось испокон веков, человек полагает, а Господь располагает. Я ожидал неприятностей на свою голову из-за собственной статьи, а плюха пришла совсем с другой стороны. На той же полосе, где я демонстрировал свои дедуктивные способности, стоял материал Жени Дымченко «Скарб: сто и один учредитель». Свой опус я воткнул в рубрику «Расследования», а Женькин материал отлично вписался в рубрику «Громкое дело». Воистину, когда боги хотят наказать человека, они лишают его разума. Я читал статью в рукописи, я видел ее после набора, еще раз просмотрел уже в гранках и не смог умножить два на два. Вернее, смог, но в результате получил что-то около восьми с половиной. Все было нормально, господин Новиков со своим концерном «Темп» перестал быть союзником «Еженедельника» уже месяца четыре, в банке «Скарб» у нас интересов тоже не было. Тем более, что об аресте председателя правления «Скарба» мы уже писали, так что все сложилось в контекст.

И вот я уже почти час выслушиваю от Вадима разъяснения по поводу родственных связей господина Лузьева со всеми и всякими прокуратурами. Обиделся, оказывается, Игорек Лузьев на Женю Дымченко и «Еженедельник», пышет огнем и брызжет ядом. Даже извинения, предложенные ему Вадимом в приватной беседе, не смогли удовлетворить разъяренного исполняющего обязанности председателя правления банка.

– Тебе придется идти с ним объясняться! – подвел промежуточный итог Вадим. – Пойдешь, извинишься, скажешь, что мы больше не будем, а автора накажем.

– Если я к нему пойду, то в первые же пятнадцать минут разговора просто пошлю его, знаешь куда?

– Слушай, господин Заренко, ну почему ты такой конфликтный человек? Ведь сам же виноват, что не посмотрел все как следует. Ну что ты все время умудряешься наступить кому-нибудь на мозоль? Черт с ним, с банком и «Темпом», хрен с ними, с учредителями и правле-

нием. Ты что, действительно не знал, что это за Межрегиональная ассоциация «АОП»? Ты бы хоть смеха ради поинтересовался, как расшифровываются эти три буквы.

– Поинтересовался. Ассоциация оборонных предприятий – если полностью.

У Вадима перехватило дыхание.

– И ты что, не понял, чьи интересы представляет Лузьев? Да за ним может вообще черт знает кто стоять. Днепропетровские предприятия тоже входят в эту ассоциацию. Понимаешь? Днепропетровские. Там еще один кандидат в президенты раньше работал. Тот, который на выборах потом победил.

– Ну и что? Мы написали о мелком жулике Лузьеве, так пусть теперь АОП избавляется от поганных овец с нашей помощью. И вообще, мы написали про Запорожский банк, и слово «Днепропетровск» ни разу не прозвучало. Более того, мы на Киев даже и не намекали. Мы не хищники – мы санитары леса. Наших нарождающихся капиталистических джунглей. И Женьку я в обиду не дам. Можешь сообщить Лузьеву, что это мой псевдоним, пусть все претензии предъявляет ко мне и в лигу сексуальных реформ.

Вадим минут пять молча смотрел на меня. Его руки шарили по столу, в поисках зажигалки, как я надеялся, а не чего-нибудь тяжелого. И без того достаточно яркое лицо Главного наливалось кровью. Вот сейчас его хватит удар, и на моей совести будет смерть двадцатилетнего молодого политика. Но молодой организм справился с нагрузкой. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, Вадим встал и прошелся по кабинету.

– Яне знаю, что там происходит с Лузьевым. Я не знаю, что конкретно за всем этим стоит, но я знаю, кто заинтересовался этим вопросом, и мне не очень весело. И я даже не могу себе представить, кто тут может нам помочь. У меня есть подозрения, что мои неприятности будут детскими игрушками по сравнению с неприятностями Дымченко и твоими, если дело не удастся замять.

Мне стало немного не по себе. Очень уж славная неделька началась. Я видел Вадима в разных ситуациях – и трезвого, и пьяного, и веселого, и злого, но мягко говоря, встревоженного – в первый раз. Собственно, так бодро в этой истории я держался только из-за того, что так испугался вчера. Нужно же чем-нибудь компенсировать душевные разочарования. А тут выходит, что неприятностей может быть и больше, чем предполагалось накануне. Правда, шанс у нас есть.

– Слышишь, Вадим, по-моему, есть на свете человек, который может нам помочь. Во всяком случае, он не захочет раздувать эту историю и дальше.

– Кого это ты имеешь в виду? – насторожился Главный и уселся снова в свое кресло. Сигаретка уже торчала у него во рту, но зажигать ее он не торопился. А может быть, просто забыл.

– Когда Женька приволок мне статью из Запорожья, там было на одну фамилию больше. Но как умный и опытный политик, я эту фамилию похерил.

Насчет политических мыслей я врал самым бессовестным образом. Просто окунать в дерьмо выскочку из бывших молодых ученых, молодых комсомольских работников и бывших политических бойцов – это одно, а вот чтобы сцепиться как следует с этим товарищем...

– В общем, я не стал упоминать Бориса Лазаревича Фрейдмана из объединения «Электрон» в Грибове. А он, во-первых, один из членов правления «Скарба», во-вторых, президент АОПа, а в-третьих, вот он наверняка близко знаком с ребятами «наверху». Что бы там ни говорили, а он все еще продолжает работать на космос, как бы мало не был нужен космос нынешней Украине.

Вадим наконец закурил свою сигарету, помолчал, потом резко встал и сказал:

– Пойдем в коридор, покурим.

Я, ко всем своим недостаткам, не курю, но постоять и подышать чужим дымом иногда приходится.

За окном сыпал снег, тусклый февральский день не вызывал никакого желания гулять по виднеющемуся невдалеке парку, но народу на площади было много. Меня всегда поражало, сколько народу у нас шастает по улицам в самый разгар рабочего дня.

– Что ты собираешься сказать Фрейдману?

– Ну, для начала я вспомню, что мы с ним заочно знакомы. Мне довелось летом восьмидесяти девятого поработать старшим вожатым в их заводском пионерском лагере, а у Фрейдмана день рождения в июле. Так что, почетную обязанность организовать детское приветствие в стихах возложили на меня. Если надо – я ему процитирую пару куплетов. Вспомнит.

– Ну, а потом?

– А потом я попрошу его прокомментировать все происходящее в «Скарбе» и в АОПе, особо уперев на то, что многие вещи мы не пустили в печать из личного уважения к нему, Борису Лазаревичу. Я думаю, что он столь тонкий намек поймет. Мужик умный.

В этом как раз никто, мало-мальски знавший Фрейдмана, не сомневался. Стать заместителем Генерального директора объединения «Электрон» в 1983 году мог далеко не каждый, и уж совсем не каждый еврей мог вообще попасть на работу в «Электрон». Грибов – заводской и научный центрик, затерялся в сорока километрах от нынешней украино-российской границы. Генеральным в то время был Николай Петрович Егоров, генерал-лейтенант, дважды Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета СССР, член-корреспондент Академии наук Украины.

А вторым человеком после Егорова на предприятии, создававшем начинку для практически всех советских космических аппаратов, умудрился стать Борис Лазаревич Фрейдман.

Ходил тогда среди информированных людей анекдот о том, как сын Фрейдмана попытался после института поступить на «Электрон» в расчете, по-видимому, на неплохую карьеру под папиным прикрытием. В отделе кадров ему просто объяснили, что люди такой национальности у них не работают. «А как же мой папа?» – вскричал Фрейдман-младший. «А он не еврей, – спокойно ответил кадровик. – Он Фрейдман».

И вот, когда Егоров ушел по болезни на пенсию, Фрейдман стал Генеральным. Так что, ума ему не занимать.

– Ну, значит, так и решим – ты идешь к Фрейдману, если, конечно, сможешь получить его согласие навстречу. А я тут постараюсь решить вопрос с Лузевым по своим каналам.

Вот на этой оптимистической ноте нас и прервали.

Открылась дверь, и в редакцию вошел Женька Дымченко. Можно было попытаться описать его выражение лица, но проще было сказать, что он весь был живым воплощением потрясения.

Вадим повернулся к Женьке, бросил окурок в ведро возле окна и, как о чем-то само собой разумеющемся, поинтересовался:

– Ну что, поговорил с Лузевым?

Вместо ответа Женька судорожно сглотнул.

– Ну, пошли в кабинет, – сказал Вадим, – поговорим.

В кабинете Женька и поведал печальную историю своей встречи с исполнительным директором АОП Игорем Аркадьевичем Лузевым.

В пасть к тигру Женьку направил, естественно, Главный. Еще до разговора со мной он отловил Дымченко и приказал немедленно явиться в штаб-квартиру АОПа, благо она расположена в десяти минутах ходьбы от нашей редакции.

Принимали Дымченко сразу два героя статьи – Лузев и его зам, господин Антонов. Выдав список претензий, Лузев потребовал разъяснений – откуда такие клеветнические измышления поступили к журналисту? Женька вначале своего канала не выдавал, но, прижатый к стенке напором Лузьева и собственной мягкостью, предъявил господам предпринимателям схему взаимоотношений в банке, начерченную собственноручно бывшим однокурсником Дымченко по военному училищу, а ныне одним из служащих «Скарба». Женька втайне

от Вадима с моего неофициального разрешения ездил на неделю в Бердянск к родителям, а потом, по дороге назад, заехал к приятелю в Запорожье. Вот там, за бутылкой чая, и родилась мысль о злополучной статье.

«Это не доказательство!» – вскричал Лузьев. – «Мы думали, что у вас есть какие-нибудь документы, а не эта писулька». Да они нас всех в суд, они нас по стене размажут, они свое имя не позволят марать. «Но вы же нарушили закон с этими кредитами», – робко заикнулся Женька. Но все было совершенно напрасно. Вот в разгар этого разговора и прозвучала сакраментальная фраза господина Лузьева: «Мы с тобой еще встретимся!» Не было у него диктофона, как жаль, что не было! Наши орлы-журналисты не могут позволить себе приобретение такой роскоши, а «Еженедельник» их предпочитает не баловать.

– И тогда я уже перед самой дверью вспомнил, как мне посоветовал Горыныч, спросить у Лузьева, что такое фонд «Свободный воздух».

Мы с Вадимом охнули почти одновременно: «И ты спросил?»

– Спросил.

– А они?

– А они замолчали, минуты две переглядывались, а потом Лузьев мне тихо так: «Не знаю», и на зама смотрит, а тот тоже плечами пожал и говорит: «Понятия не имею!» «А почему вы у нас интересуетесь?» – спрашивают. Пришлось выкручиваться, сказал, что мне посоветовали у них поинтересоваться, на всякий случай. На том и распрощались.

Вадим смотрел на меня, я смотрел на Вадима, а Женька ошарашенно переводил взгляд с меня на него и обратно.

– Лена! – истошно заорал Вадим. В дверь кабинета заглянула секретарша, или, как мы ее за глаза называли, секретутка Лена.

– Горыныч в редакции?

– Он звонил, что сейчас дома, пленки проявляет.

– Соедини-ка меня с ним.

Пока Лена звонила, Вадим перекладывал бумаги на столе с места на место, а я развлекался, наблюдая за выражением лица Дымченко.

– Олег, это ты посоветовал Дымченко спросить Лузьева насчет «Свободного воздуха»? И какое отношение к этому имеет Лузьев? Что? Как физическое лицо? От АОПа? Это точно? – Вадим положил телефонную трубку, почесал в затылке. Я молчал, Дымченко молчал, и Вадим не выдержал:

– Информация к размышлению. Межрегиональная ассоциация оборонных предприятий является одним из учредителей фонда «Свободный воздух». Официально.

– А что такое этот фонд «Свободный воздух»? – спросил Дымченко, и я захохотал, от всей души и взахлеб. Почти истерически.

Глава 6

20 февраля 1995 года, понедельник, 12-00, Москва.

– Ну и как вы лично, Миша, оцениваете эти два документа? – поинтересовался Виктор Николаевич после того, как Михаил отложил в сторону папку.

– Знаете, Виктор Николаевич, после гибели трех групп и уничтожения вертолета, вкупе с бегством Тупчинского, мы с вами предполагали, что нас всячески стараются лишить очень важной информации. Но теперь получается, что оба документа, и тот, который мы считали поддельным, и тот, который вывезли из Чечни, практически совпадают. Координаты Центра, общая характеристика, предполагаемые силы прикрытия – полностью идентичны. Тогда возникает вопрос, почему наши коллеги так усиленно пытались не допустить нашего знакомства с оригиналом?

– Ну, во-первых, как мы с вами видим, оригинал несколько полнее. В нем, помимо Чеченского центра, имеется и краткое описание аналогичного Центра в Боснии. К сожалению, без подробного описания. Я полагаю, что с этим нам нужно очень плотно поработать. Мы предполагали что-то подобное на Балканах, но у нас не было такого подтверждения. Теперь оно есть.

– А во-вторых? – спокойно спросил Михаил.

– А во-вторых, мы проанализировали карту, прилагавшуюся к пакету. И получили весьма интригующие результаты. Специалисты просто клянутся, что карта получена путем фотографирования из космоса. Но, по всем характеристикам изображения, спутник не наш. Мы имеем все основания предположить, что источником поступления информации является зарубежная служба, аналогичная нашей.

– То есть, выходит, что Чеченским центром интересуется еще кто-то. Нет, мы знали об этом, но теперь имеем подтверждение и, кроме того, имеем информацию, что этот кто-то информирован куда подробнее, чем мы, – Михаил снова потянулся за папкой и стал быстро перелистывать страницы.

– Не надо цитат, Миша, – остановил его Виктор Николаевич, – это придется принять за основу наших рассуждений в любом случае. Заодно придется иметь в виду странные действия Александра Павловича. Он очень настоятельно подталкивает нас к работе по Боснии и одновременно старается скрыть от нас информацию именно по этому региону.

– Все это еще более странно, если вспомнить, что мы потеряли двух человек, следующих именно в Боснию. Это опять-таки должно было привлечь наше внимание к этому направлению.

– Кстати, о том происшествии в поезде. События приняли очень интересный оборот. Наш с вами журналист в своей статье предложил версию, по которой двое в купе были убиты не случайно подвыпившим киллером. Он предполагает, что именно эти двое и были основной целью. Как вам это нравится? Миша присвистнул:

– Насколько я понимаю, эта информация явно исходит не от Александра Павловича. И не от нас. И нам, и ему нет никакого смысла сообщать об этом вслух.

– Логично.

– Кто же тогда? И как, интересно, на это отреагирует Александр Павлович?

– Он уже отреагировал. В двухчасовом разговоре мы выяснили некоторые позиции. Я признал, что речь в статье идет о наших людях, и был отчитан за то, что расследование этого дела идет недостаточно интенсивно. Одновременно с этим нам предложено поплотнее заняться личностью журналиста и источником его информации. Таким образом, Александр Павлович полностью умывает руки в этом деле и демонстрирует самые благие намерения и желание выяснить всю правду. Не считите за труд, Михаил, но сегодня вечером вам придется тщательно про-

работать все возможные контакты этого журналиста. Подключите наши источники по «Спектру». Высокое начальство повелит проверить эффективность «Спектра» в деле.

20 февраля 1995 года, понедельник, 13-00 по Киеву, столовая Областного совета народных депутатов, Город.

Я хохотал так, что дальнейший разговор потерял всяческий смысл. Я вообще смеюсь достаточно заразительно, а истерика моя просто производит неизгладимое впечатление на окружающих. Даже слегка перепуганный Дымченко через тридцать секунд стал подхихикивать, совершенно не понимая, над чем смеется, и лишь отдаленно догадываясь, что Горыныч опять втравил его в очередную неприятность.

Из кабинета нас выставили. Вдогонку, не обращая внимания на присутствующих дам, Вадим на общедоступном матерном разъяснил наши задачи на завтра, пообещав личную машину и заодно растолковав почти все, что о нас думает. Возле своего стола я подхватил куртку и сумку и потащил Женьку обедать.

Обед, благодаря тому, что облсовет находится через дорогу от нас, в редакции превратился в своеобразный ритуал. Всякий, желающий вкусить от низких цен депутатской столовки, в районе тринадцати ноль-ноль прибывает в вестибюль бывшего обкома партии и на вопрос дежурного милиционера: «Куда?» бодро отвечает, что прибыл в комитет по делам молодежи. Почему мы приходим именно туда – объяснить трудно. Возможно, потому, что комитет находится на шестом этаже, а лифт расположен как раз на пути к столовой, причем вне поля зрения милиционера. Если кто-нибудь из неопытных попытается назвать другую причину, например, встречу с депутатом, то у него немедленно потребуют предъявить запись на встречу.

Не знаю, как на кого, а на меня бывшее здание обкома производит впечатление абсолютно тягостное. Шикарные ранее паркетные полы и ковровые дорожки потеряли уже свой праздничный вид и начинают терять вид рабочих. Полы с коврами тоже, наверное, понимают, что замены им не будет. Денег на полное обковывание и полирование паркета шестизэтажной громады новые власти свободной и независимой Украины не найдут никогда.

От милиционера направо, через пятьдесят шагов, возле лифтов – налево, потом по коридору до конца и – вниз, в цокольный этаж. Там, еще с проклятых коммунистических времен, в обеденный перерыв всегда сидит кассир, который принимает деньги и выдает длиннейшую ленту чеков – по одному чеку на каждое блюдо, даже на хлеб и чай. Размахивая лентой, мы прибыли в зал, где нас обслужила официантка. В смысле, приняла чеки и принесла еду. После чего, чувствуя себя одновременно белым человеком и льготником, я приступил к просвещению неграмотного Дымченко.

– Понимаешь, Женя, ты поступил, наверное, совершенно правильно, последовав совету Горыныча. Лузьева нужно было поставить на место, и ты с этим прекрасно справился.

– Ага, ты знаешь, они так стушевались, язык сразу к заднице прилип. Лузьев даже угрожать перестал и сказал: «До свиданья», – Женька почувствовал облегчение и расслабился, чего ему нельзя было делать, даже над тарелкой с депутатским борщом.

– Проблема заключается только в том, что появление в данном контексте еще и фонда «Свободный воздух» придает легкий оттенок пикантности и остроты в пресной истории с жадиной Лузьевым и хитрецом Новиковым, – я постарался подвести Дымченко к проблеме как можно мягче.

– Как ты думаешь, Женя, чем может заниматься фонд с таким возвышенным названием?

– Охраной окружающей среды? – Женька на самом деле не такой наивный, просто так ему удастся быстрее перевести меня от преамбулы к делу.

– Фонд «Свободный воздух», основанный три года назад, предназначен оказывать помощь гражданам Украины, вышедшим на свободу из заключения, а также поддерживает их

семьи, пока кормильцы лежат на нарах. Раньше все это называлось простым и емким словом «общак». Теперь же, в эпоху всех и всяческих свобод, воровская касса стала легальной и получила соответствующее эпохе название и учредителей. Один из них – областное управление внутренних дел, скажем, одного из крупных областных центров. А сам фонд «Свободный воздух» зарегистрирован в Министерстве юстиции Украины.

Судя по тому, что второе – поджарку – Женя доедал с аппетитом, до него дошло либо не все, либо не сразу. Потом он замер.

– Ты хочешь сказать, что Лузьев внес деньги в воровскую кассу?

– Не хочу, я это уже сказал. А денежки, которые твой кореш Лузьев туда внес, – скорее всего деньги господина Новикова, который контролирует банк «Скарб» в Запорожье. А через этот банк можно совершенно спокойно перекачивать грязные деньги, поступавшие от ребят «Свободного воздуха». А фонд очень неплохо относится к своему учредителю – господину Лузьеву, который прикрывает своей Ассоциацией оборонных предприятий криминальные аспекты связи с Новиковым, а тот обеспечивает льготные кредиты и победу при голосовании в банке – в доме, который построил Джек! – За время монолога я успел доесть второе, выпить чай, раскланяться с тремя, прибывшими подкрепиться, журналистами и ни разу не поперхнуться съеденным.

Если Женя Дымченко когда-нибудь станет артистом, то самое лучшее, что он сможет сделать, это просто выходить на сцену и вот так молчать – обреченно и виновато, с легким оттенком ужаса и безысходности. И я его понимаю. Вообще было неприятно иметь дело с прокурорами – родственниками Лузьева и выступать в суде в качестве ответчика. Но иметь дело с коллегами Лузьева по фонду в качестве пострадавшего – совсем другой колер, кроваво-красный.

– Что же делать? – выдавил наконец Женька.

– А вот это уже – совсем другой вопрос. Сейчас ты героически отправишься писать об Украинских Вооруженных силах к славному празднику Советской Армии и Военно-Морского Флота, а, я методично переваривая пищу, буду звонить по международному телефону в славный город Грибов, что на Горожанщине. Может быть, откликнется на зов моего горячего сердца добрый дядя Фрейдман, большой не любитель разборок в прессе и, вообще, вслух. Если он поймет, что Лузьев тянет его в болото, может быть, он намекнет исполнительному директору АОПа, что лучше съехать с базара.

– Ты думаешь, тот послушает?

– Да.

– Ты уверен?

– Совершенно.

– У тебя есть план?

– Есть ли у меня план? О-о, у меня целый мешок великолепного пакистанского «плана». Борис Лазаревич Фрейдман будет играть на нашей стороне по той простой причине, что, помимо своего Генерального директорства в «Электроне», он еще президент АОПа и один из членов правления банка «Скарб». И кто нам мешает упомянуть, что в запале словесной баталии с тобой Лузьев помянул славное имя Генерального.

– До свиданья, – сказал я дежурному милиционеру, и мы вышли на площадь.

Тогда я был озабочен проблемой с АОПом и даже не догадывался, что это только часть большой и кровавой проблемы. Мне тогда даже и в голову не приходило, что я уже веду боевые действия и очень-очень скоро меня внесут как в списки друзей, так и в списки врагов.

Ни о чем таком я не думал. Вспомнилась цитата из сочинения одного моего ученика, когда я работал в школе, в 1985 году: «На центральной площади стоит памятник Ленину с протянутой рукой, что символизирует будущее нашей страны!» Устами младенца глаголет истина. Устами взрослых глаголет политика. А это две большие разницы.

– Не плачь, Женя, я тебе подарю свою старую статью об украинской военной доктрине. Добавишь чего-нибудь, и получится классный проблемный материал. А завтра будем брать Фрейдмана, если он сегодня согласится.

20 февраля 1995 года, понедельник, 14-55 по Киеву, Город.

Кто-то из моих знакомых утверждал: основным парадоксом двадцатого века является то, что, добравшись на самолете из Москвы за два часа, ты потом еще два часа добираться от аэропорта до квартиры. Я внес еще одно определение в ряд парадоксов этого странного столетия. Ровно пятьдесят минут я потратил на то, чтобы с помощью нашей Богом спасаемой междугородней связи прорваться в кабинет господина Фрейдмана, и ровно пять минут мне понадобилось, чтобы уболтать генерального директора объединения «Электрон», президента Межрегиональной ассоциации предприятий оборонной промышленности, члена Совета банка «Скарб» Бориса Лазаревича Фрейдмана принять какого-то редактора отдела расследования мало кому известного еженедельника у себя в кабинете.

– Здравствуйте, Борис Лазаревич, – сказал я после того, как секретарь оторвал Фрейдмана от совещания. – Вас беспокоит редактор отдела расследований «Еженедельных ведомостей» Заренко Александр Карлович. – Я выработал такое длинное и официальное обращение после многократных проб и ошибок. После того, как мне удастся произнести подобную фразу в кабинете какого угодно чиновника, у того возникает почти непреодолимое желание представиться со своей стороны. У Фрейдмана такого желания не возникло.

– Я слушаю вас, – спокойно произнес Борис Лазаревич.

– Борис Лазаревич, мы в прошлом номере опубликовали небольшой материал о банке «Скарб» в Запорожье. Вы имеете к нему определенное отношение – не так ли?

– Я мало чем смогу вам помочь. Несмотря на внушительно звучащий пост, который я там занимаю, дела банка проходят мимо меня. Сами понимаете – хоть промышленность и связана с финансами, но мое имя банку необходимо, в лучшем случае, для большей весомости.

– Борис Лазаревич, в связи с банком у нас всплыло такое название, как АОП. Господин Лузьев, к которому обратились за разъяснениями наши сотрудники, почему-то реагировал бурно. А в ходе беседы с ним неожиданно оказалось, что президентом АОПа являетесь вы...

– Ну, что вы, Александр, э-э...

– Карлович.

– Ну, что вы, Александр Карлович! Игорь очень энергичный молодой человек, а я при нем выполняю скорее функции свадебного генерала. Он совершенно самостоятелен в своих поступках и, к сожалению, в своих ошибках. Так что, и здесь вам ничем особенным не помогу. Извините, – и Фрейдман, по-видимому, решил распрощаться со мной эффективным образом – положить трубку.

– Одну секунду, Борис Лазаревич...

– Да?

– Я попадаю в очень неприятное положение. С одной стороны, моего сотрудника обвиняют во лжи, а с другой стороны, мне совершенно не хочется вести с Лузьевым борьбу, используя ваше имя. Поймите меня правильно – мне очень не хочется вмешивать сюда такого уважаемого человека, как вы, но Лузьев на совершенно законных основаниях может поинтересоваться, почему мы, сражаясь за правое дело, совершенно не упоминаем вас. Ведь он абсолютно спокойно может попытаться представить себя всего лишь вашим подчиненным.

– Чего конкретно вы хотите?

– Кое-что обсудить с вами лично. Примите меня, пожалуйста, завтра, всего на пятнадцать минут – и я больше не буду вас беспокоить.

– Ну, хорошо, завтра в десять ноль-ноль на проходной вас будет ждать человек. Напомните еще раз вашу фамилию.

– Заренко Александр Карлович. Я знаю, где у вас проходная, и буду там ровно в десять. Займу не больше пятнадцати минут, а потом вернусь к своим баранам из фонда «Свободный воздух».

– До свидания, Александр Карлович!

– До завтра, Борис Лазаревич!

Получился очень содержательный разговор. Судя по всему, и завтра я не получу от Фрейдмана более вразумительного ответа на свои вопросы, но на пару из них он уже пролил свет, незаметно для себя самого. Он не спросил, в чем конкретно провинился Лузьев и по какому поводу меня заинтересовал банк в Запорожье. А ведь даже совершенно посторонний человек должен был бы поинтересоваться, почему его имя оказалось под угрозой очернения. И еще один маленький нюанс: Фрейдман – человек, во-первых, занятой, а во-вторых, достаточно, как бы это сформулировать, влиятельный для того, чтобы послать на фиг любой печатный листок, как бы красиво он ни назывался. А меня они соизволили принять. В конце концов, завтра я поговорю с ним лично. И попытаюсь объяснить, что для нас всех будет лучше замять это дело о банке и АОПе. В случае для Лузьева будет достаточно одного звонка. Мы с Фрейдманом в одном телефонном звонке смогли даже обменяться намеками. Фрейдман сказал о возможной ошибке Игоря Лузьева, а я упомянул «Свободный воздух». Кому как, а мне кажется, что база для дальнейших переговоров подведена. Но почему Фрейдман так легко согласился на встречу, я понял только через десять минут, и вовсе не благодаря своему дедуктивному дару.

С благоговением положив телефонную трубку, я отправился в кабинет к господину главному редактору с докладом. Он, между прочим, в запальчивости пообещал снабдить меня личным транспортом для поездки в Грибов. Вот теперь пусть свое обещание выполняет.

Но Вадима на месте не было. Как мне сообщила их секретарь, они убыли для того, чтобы слегка пообедать. Это значило, что Вадим появится, если появится, часа через два-три, не раньше. Чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие начальства, я расположился в кабинете Главного. Тут удобно, хотя бы потому, что здесь практически единственное место в редакции, где никто не стоит у тебя над головой и не лезет под руку.

И в кабинете главного редактора я понял, что собственную газету иногда нужно читать. На полосе бизнеса в номере, из-за которого у меня образовалось столько проблем, наш экономический обозреватель поместил небольшую, но сенсационную, во всяком случае, для меня заметку. Если опустить все малопонятные и неудобоваримые экономические термины, то получалось, что некая американская фирма предложила вложить немного денег – миллиона два-три долларов – в производственное объединение «Электрон», где генеральным директором Борис Лазаревич Фрейдман. Два-три миллиона долларов – это уже объявлено. Да и фирма не маленькая. Я слабо разбираюсь в мировых производителях электроники и разработчиках космических технологий, но название «Вестингаус» слышал даже я. И денежки в «Электрон» должны были поступить либо от самой «Вестингауз», либо от кого-нибудь рядом стоящего.

Вот интересно, Вадим видел этот материал? Вернее, не так. Вадим уже связал статью отдела исследований со статьей отдела бизнеса и экономики? Судя по всему, еще нет, иначе реакция была бы куда более интенсивная. Теперь совершенно понятно, что Фрейдману абсолютно не нужны никакие проблемы с прессой. Это в нашей стране все знают, как легко игнорируются влиятельными господами любые публикации в прессе. А вот американцам, не дай Бог, может прийти в голову, что нельзя связывать свое доброе имя с предпринимателями, о махинациях которых шумит печать. Наверное, это хорошо. Фрейдман приложит максимум усилий для того, чтобы заткнуть Лузьеву пасть. С другой стороны...

Тут лучше всего посоветоваться со специалистами. И я, по максимуму используя отсутствие главного редактора, по внутренней связи вызвал на собеседование мелькавшего в редакции Олега Костина.

– Здравствуйте, здравствуйте, господин Костин, – приветствовал я Костина.

– Здравствуйте, здравствуйте, господин Заренко, – Костин уселся в кресло и закурил сигарету.

– А я, между прочим, вам не разрешал курить.

– А я, между прочим, вас и не спрашивал.

Что приятно в общении с Костиным, так это то, что его практически невозможно вывести из себя. Даже странно, что внешне он производит впечатление человека, вечно напуганного. Даже серьга в ухе, которую он недавно стал носить, не прибавила ему внешней уверенности в себе. Но если попытаться надавить на него, то господин Костин будет отнекиваться до конца и закончит разговор, в лучшем случае, обещанием подумать. А потом поступит все равно так, как сочтет нужным. Но дело свое знает туго и информацию получает из первых рук и свежую. Мы с ним даже иногда обмениваемся секретами или консультируем друг друга.

– Олег, я тут с огромным интересом прочитал твою статью.

– Что ты сделал?

– Прочитал твою статью! – меня тоже не так просто достать.

– Ну и что? – Костин почувствовал мой интерес и теперь будет пить мою кровь большими и жадными глотками.

– Слушай, Олег, мне срочно нужно понять, что ты имел в виду под всей этой ахинеей. Почему это твоя любимая «Вестингаус» не может просто так взять и вложить деньги в украинское предприятие?

– Понимаете ли, господин Заренко, по дурацким американским законам, ни одна тамошняя фирма не может войти деньгами в предприятие, которое хотя бы на один процент не было бы частной собственностью. С полностью государственными предприятиями американцы в инвестиции не играют. Таким образом, чтобы денежки достались «Электрону», нужно, чтобы «Электрон» был хотя бы частично приватизирован. Кратчайший путь – через акционирование. А для этого нужно именно то, чего у нас сейчас так не хватает, – деньги.

– Ты хочешь сказать, что нашу оборонку могут не просто приватизировать, но и даже частично отдать иностранцам?

– А пуркуа бы и не па? Как говорят друзья французы. Главное, чтобы Фрейдман получил на это добро в Киеве, а при его связях – это вопрос времени.

– И денег. Ему где-нибудь придется искать деньги на приватизацию доли. И, я думаю, не очень маленькие.

– Весьма, – Костин взгромоздил ноги на журнальный столик и мечтательно уставился в потолок. – Какой-нибудь банк совершенно свободно может подбросить денежек. Под проценты. Знаешь, сколько желающих будет помочь Фрейдману потратить деньги на переоборудование «Электрона»? Очередь выстроится, ногами пинаться будут.

– Знаешь, Олег, я помню время, когда по поводу появившегося в радиусе пяти километров от «Электрона» африканца немедленно вызывали милицию. А теперь, значит... – Но договорить я не успел, в кабинет прибыл хозяин. Костя убрал ноги со стола и был милостиво отпущен. Я пересел из хозяйского кресла в посетительское и приготовился внимать.

Но оказалось, что внимать приготовился и Вадим. Так что, я приступил к выполнению обязанностей докладчика.

Вадим слушал молча. Даже упоминание о миллионах долларов воспринял спокойно. И вообще, у меня возникло впечатление, что кто-то его сильно успокоил. А может, это действие коньяка, которым он так благоухал.

– Говоришь, в десять ноль-ноль? До Грибова отсюда километров сорок. Значит, Петрович заедет за тобой в девять. От Фрейдмана – сразу ко мне. И еще одно. Намекни ему, что есть структура, которая хотела бы помочь «Электрону» деньгами. Ну, в приватизации. Не называй, от кого исходит такое предложение, просто спроси, нужно ему это или не нужно.

Костин был прав. Очередь потенциальных инвесторов начинает выстраиваться. Но чьи деньги Вадим собрался предложить Фрейдману – загадка, в которую лично я лезть не собирался.

У меня просто бред какой-то начался. Пишешь об уголовном преступлении – попадаешь в шпионский роман. Только прикасаешься к финансовым махинациям, подчеркиваю, мелким финансовым махинациям, как тут же выявляются связи организаторов этих махинаций с крупными уголовными структурами, а на горизонте появляются некие международные осложнения. О чем же тогда можно писать?

С этими мыслями я вышел из редакции и самой страшной клятвой поклялся себе, что, прежде чем пропущу мимо себя материал Дымченко о родных Вооруженных силах, – десять раз перечитаю, самым безжалостным образом. Не хватало мне еще разборок с Министерством обороны независимой Украины.

День у меня выдался еще тот, насыщенный такой денек, и, судя по всему, завтрашний намечался никак не легче.

Историю с «Электроном» лучше всего забыть раз и навсегда. Темы для статей нужно выбирать осторожно и тщательно, просчитывать все возможные последствия. Обещаю исправиться!

20 февраля 1995 года, понедельник, 20-30 по Киеву, Восточная Украина.

Темно-синяя «мазда» ждала у обочины почти полчаса, прежде чем из смеси тумана и мелкого дождя вынырнула красная «тойота» и остановилась напротив. Из «тойоты» появилась крупная фигура и, ежась, приблизилась к «мазде». Стекло возле водителя опустилось:

– Ты, Малый? – спросил водитель.

– Извини, Роман, из-за этой слякоти опоздал.

– Садись в машину, живее, у меня нет времени. Малый обошел «мазду» и сел на переднее сиденье.

Вытер платком мокрое от дождя лицо.

– Малый, мне так кажется, что у вас там у всех головы набиты дерьмом. Какого черта в банке начали трепаться?

– А хрен его знает. Не было к этой суке никаких претензий. Да и что он там мог знать?

– Как оказалось, достаточно. Вы забыли, что было сказано – никакого кипеша без команды. Сейчас нужно сидеть тише воды, – водитель говорил негромко, но властно.

Малый молчал, глядя себе под ноги. Некоторое время тишину нарушало только шуршание «дворников».

– Я со стукачом могу прямо сегодня разобраться. Сделаю десяток сквозняков – и концы в воду, – наконец выдавил Малый.

– Ты только попробуй. Охренели совсем. После стрельбы весь банк перетрясут.

– Так что, пусть живет?

– Этот должен заткнуться навсегда. И лучше всего – завтра. Только все должно быть аккуратно. Сам придумал или помочь?

Малый потер подбородок и потянулся за сигаретами.

– Не вздумай дымить – всю обивку провоняешь, – недовольно сказал водитель. – Есть мысли?

– Завтра обязательно? Мне бы пару деньков.

– Завтра. Уже газеты начали по этому поводу суетиться. Им нужно пасти заткнуть.

– Ну, так и заткнем.

– Вот и заткни, козел. Газеты – не твоя забота, но завтра чтобы эта сволочь из банка уже не дышала. И чтобы не очень приметно. Только не вздумайте его тачкой давить, – засветите все. Думай, Малый, у тебя времени почти нет. Завтра.

– А я о чем? Думай, думай! Я думаю. Есть у меня пацан, так мне его надо в Днепропетровске ловить. Я даже если сейчас к нему рвану – только ночью смогу переговорить, – не выдержал Малый.

– Не мое это дело. Сам понимаешь, не я решаю. Но если ты скажешь, что не можешь, наверное, смогут обойтись без тебя. Совсем обойтись. Понял?

– Понял, – угрюмо буркнул Малый.

– Ну, так завтра?

– Завтра.

Малый открыл дверцу машины и вылез, не подавая руки. Он уже перешел дорогу к «тойоте», когда «мазда» мигнула фарами. Выругавшись, Малый вернулся к «маз-де» и наклонился к окну.

– Зимний сказал, чтобы завтра-послезавтра ему привезли ствол. Старый, но чистый. Усек?

– Послезавтра сам привезу. Еще что есть? – недовольно спросил Малый.

– Больше ничего нет. Можешь спокойно ехать. Малый повернулся, но водитель его снова окликнул.

– Какого... – начал Малый.

– На дороге осторожнее – мокро, – спокойно предупредил водитель, и стекло поднялось.

Малый с силой хлопнул дверцей «тойоты». Мотор взревел, «тойота» резко развернулась на дороге и исчезла в темноте.

Водитель «мазды» набрал на сотовом телефоне номер и, услышав ответ, сказал: «Договор будет заключен завтра».

Глава 7

21 февраля 1995 года, вторник, 10-00 по Киеву, г. Грибов.

Что бы там ни говорили недоброжелатели, но зима, слава Богу, заканчивается и снега почти не осталось. Даже дорога местами подсохла, так что Петрович доставил меня к проходной «Электрона» за десять минут до назначенного времени. Я уже года четыре не был в Грибове. Время идет, и все мы изменяемся не в лучшую сторону. Мусор на газонах перед главным корпусом обычно убирали ежедневно, а не по мере накопления. Весна – вообще самая грязная пора года, все, что накопилось под снегом за зиму, вылезает на поверхность после оттепели.

Когда-то за этим забором с системой видеокамер и сигнализации делали начинку для советских космических аппаратов. Никогда не забуду, как мой одноклассник жаловался, что в связи со срывом сроков запуска «Бурана» его отец не получил долгожданную премию. Но внешне все было спокойно и скромно. Вначале, это когда я еще был маленьким, это было номерное предприятие, потом завод с ничего не выражающим названием, а теперь, когда системы управления в космосе уже не являются предметом национальной гордости независимой Украины, плакаты на въезде в Грибов и на ближних подступах к объединению настойчиво разглашают эту еще недавно государственную тайну.

Предметом гордости ребят с «Электрона» была статья в каком-то из западных журналов с фотографией старого корпуса «Электрона» и подписью: «Гнездо советского шпионажа». Сколько лет бились спецслужбы, чтобы получить хоть какую-нибудь информацию из этих цехов. Оказалось, что теперь все эти секреты можно просто купить, причем совершенно официально.

Возле «стеклянного стакана» охранника меня ждал посланец Фрейдмана.

– Вы Заренко?

– Я Заренко, – и даже не проверяя документов и не требуя сдать сумку в камеру хранения, меня препроводили в кабинет генерального директора. Первая неожиданность – секретарь-мужчина. Даже некому поулыбаться, коротая время перед приемом. Хотя коротать его мне не пришлось.

– Прошу, – сказал сопровождающий, и я вошел в кабинет.

– Здравствуйте, Александр Карлович, – ответил Фрейдман. – Присаживайтесь.

Я сел на стул, а Борис Лазаревич встал. И в течение всего разговора он ни на минуту не присел, легко передвигаясь по кабинету. При моих 189 сантиметрах роста смотреть на человека снизу вверх доводится не часто. Фрейдман одним изящным психологическим ходом поставил меня в это неловкое положение. Худощавый, седой, лет шестидесяти. Производит впечатление ученого, интеллигента. Умеет разговаривать с людьми, независимо от числа слушателей и собеседников. С губ не сходит легкая улыбка, или усмешка. Это если писать о нем, как об отрицательном герое – то усмешка, если как о положительном – улыбка. Но лучше о нем вообще не писать.

– Я хочу поблагодарить вас за согласие со мной побеседовать, Борис Лазаревич.

– Не за что, но я, честно говоря, не знаю, о чем мы с вами можем беседовать.

Я мило улыбался, памятуя первое правило лояльного корреспондента: «Улыбайся и соглашайся, но гни свою линию», – решил брать быка за рога.

– И мне, и моему руководству совершенно понятно, что к фокусам АОПа и скандалам «Скарба» вы, естественно, никакого отношения не имеете, да и не могли бы иметь. Вы достаточно занятой человек.

Фрейдман кивнул и уставился на меня сквозь стекла очков. «Говори, наконец, зачем пришел, и проваливай», – ясно читалось в этом взгляде, но я позволил себе паузу. Такие большие люди привыкли к различным формам разговора. Те, кто ниже их, либо обращаются с просьбами, либо выслушивают директивы. Те, кто выше, – обращаются с указаниями или ставят задачи. А я не торопясь излагаю свою мысль и совершенно сознательно не вписываюсь ни в первую категорию, ни во вторую. Борис Лазаревич человек ученый, а значит, имеет склонность к систематизации. Надо только дать ему возможность отнести меня либо к равным, что смешно, либо к источнику возможных неприятностей, что меня, естественно, не устраивает, либо к деловым партнерам. Лучше всего попасть в последнюю категорию, но тут важно не перегнуть палку. Скажем так – я тот, кто может взаимнообразно оказать некую услугу господину Фрейдману.

– Поймите нас правильно, Борис Лазаревич. Если Лузьев будет настаивать на расправе над автором статьи, мы будем вынуждены более подробно знакомиться сами и знакомить читателей с историей вопроса. Подскажите мне тогда, как мне умудриться, не называя президента АОПа, весь удар нанести по исполнительному директору?

– Ну, я не журналист. Вам должно быть виднее, как строить материал. Честно говоря, с моей точки зрения, это такая ерунда, о которой вообще не стоит писать. Вокруг столько всего происходит. На улицах убивают людей просто так, за старую шапку. Мне кажется, и сам Лузьев уже понял, что шум вокруг его имени популярности ему не прибавит. Он разумный человек. Наконец-то Фрейдман произнес ту фразу, ради которой я приехал. Лузьеву, наверное, уже посоветовали заткнуться. Можно раскланиваться и уезжать. Но у меня есть еще личная просьба главного редактора.

– Борис Лазаревич, скажите, пожалуйста, а это правда, что вы собираетесь приватизировать «Электрон»? – Сказано несколько, в лоб, но на особые дипломатические увертки у меня нет ни терпения, ни желания.

– Я бы не называл это так громко, но что-то вроде этого. Частичная приватизация.

– Через акционирование?

– Да, – Борис Лазаревич стал чуть выявлять нервозность.

– И вы будете работать на космос как частное предприятие?

– Да не частное. Всего несколько процентов будет акционировано. И вы напрасно думаете, что нет спроса на нашу продукцию. Совсем недавно москвичи предлагали правительству передать «Электрон» России в уплату за долги. За газ, за нефть. Вы представляете? Передать такое предприятие за границу!

Действительно, трудно себе такое представить. Хотя логика у Бориса Лазаревича слегка подкачала. Если Россия за граница, то что же тогда Америка? А с Америкой мы почему-то готовы поделиться «Электроном». Но об этом вслух лучше не говорить. Тем более, что я себе уже давал страшную клятву не лезть в неприятности.

– Меня это интересует только потому, что есть некая структура, которая готова была бы помочь деньгами, необходимыми для акционирования, – фраза, наконец, произнесена, просьба Главного выполнена, и я могу спокойно убираться восвояси, выслушав односложный ответ Фрейдмана. Но односложного ответа не получилось. Неожиданно для меня Борис Лазаревич сообщил о своей готовности сотрудничать со всеми желающими, поведал о многочисленных разработках производственного объединения «Электрон», типа долгосветящихся лампочек и экономичных выключателях, вкупе с электросчетчиками. Он так азартно все это мне излагал, что я ему почти поверил. И поверил бы совсем, если бы за все десять минут монолога Борис Лазаревич хотя бы взглянул на меня. Взгляд же генерального директора блуждал по потолку и стенам, падал на окно и снова переходил на потолок, минуя меня, грешного. Так что мы оба испытали облегчение, когда пообещали друг другу созвониться после возвращения Фрейдмана из командировки в США.

– Очень приятно было познакомиться, – сказал я и почти бегом помчался к машине.

Я люблю сидеть на переднем сиденье. На западе его называют местом смертника, но мы до сих пор предпочитаем место возле водителя. На этот раз я предпочел все-таки место сзади. До редакции ехать минут сорок, с пробками и светофорами. И я вполне смогу прослушать еще раз нашу содержательную беседу. Я умный и технически обеспеченный. Я сегодня взял диктофон у Короля с Госрадио. Умелец Король вывел микрофон в колпачок от шариковой ручки, который очень к месту смотрится в нагрудном кармане любого пиджака или куртки.

Как и ожидалось, ничего нового я не услышал. Выдав информацию о будущем молчании Лузьева, Фрейдман ловко уходил от сути вопросов, а я и не настаивал. Но запись натолкнула меня на мысль. Итак, господин Лузьев оказывается связующим звеном между банком «Скарб», Ассоциацией оборонных предприятий и уголовным фондом «Свободный воздух». Эта тройка подпирается корпорацией «Темп», которая контролирует через подставных лиц и дочерние фирмы банк «Скарб». Таким образом, денежки от «Свободного воздуха» свободно отмываются в банке, а через инвестиционную деятельность «Темпа» свободно могут вкладываться, уже отмытые, в некоторые предприятия. Все совершенно понятно. Но вот место Фрейдмана во всем этом раскладе меня смущало. Он присутствует и в банке, и в АОПе. Денег в банке ему отмывать не приходится, как бы ни было плохо украинской промышленности, но на «Электрон» деньги пока поступают прямо из Киева. Твою мать! Мне стало нехорошо. Только вчера я обещал себе, что не полезу ни в какие разборки. И сегодня, во время разговора, я помнил об этом своем обещании. И только в машине до меня дошло, что весь вчерашний день и все сегодняшнее утро я посвятил прогулке по минному полю. В ближайшее время Фрейдману очень понадобятся деньги для частичного акционирования «Электрона», иначе не видать ему долларов. Деньги на акционирование он может получить в банке или через АОП, а АОП и банк – это деньги «Свободного воздуха». Оборонное предприятие, предприятие, работающее на космос, для того, чтобы стать частично американским, должно предварительно стать частично уголовным. Лузьев, ясное дело, будет молчать и в разборки не лезть. В банке, естественно, наведут порядок, чем благополучно займется Новиков из «Темпа». Но вот интересно, кто решил через Вадима и меня, наивного, влезть в такую теплую компанию? Этот кто-то должен, по меньшей мере, быть готов к разборке с уголовниками. Как мне все это надоело! Мало того, что я сам, как дурак, регулярно подставляюсь, так еще, спасибо, доброжелатели помогают. Будем надеяться, что эта моя встреча с Фрейдманом – последнее соприкосновение с делом «Скарба» и всеми его учредителями. И снова я ошибался. На тот момент это была не самая большая моя проблема.

21 февраля 1995 года, вторник, 11-30 по Киеву, Запорожье.

Геннадий Превезенцев, тринадцати лет, ученик 8 класса, приехал из Днепропетровска в Запорожье рано утром. До 11 часов побродил по Малому рынку, потом на трамвае доехал до трампарка и остановился возле киоска. Накануне он долго рассматривал фотографию клиента, потому, когда тот появился со стороны Козацкой улицы, Гена засек его сразу. Ладони вспотели, но внешне волнение, охватившее Превезенцева, было совершенно незаметно. Подождав, пока клиент подойдет к остановке вокзального маршрута, Гена подошел к нему и остановился за спиной. Минут через десять подошел трамвай. Клиент и Гена поднялись через заднюю площадку. Народу, как всегда, было много, и Гене на мгновение показалось, что до клиента добраться будет невозможно, но тут какая-то тетка вспомнила, что пора выходить и напролом бросилась к двери. В возникшей сутолоке клиента просто прижали спиной к Гене. Трамвай тронулся. Гена нащупал за пазухой рукоятку длинного шила и осторожно потянул его книзу. Зеленая куртка клиента надежно закрывала правую руку Превезенцева от посторонних глаз. На следующей остановке народу вышло меньше, чем вошло. Генка стал присматривать проход к двери. Когда трамвай подошел к следующей остановке, Гена дождался, когда торможение

качнет клиента к нему, и ткнул шилом в спину, справа внизу, до упора. Потом, резко дернув рукоять шила вниз, обломил заранее надпиленную иглу. Клиент вздрогнул, тело обмякло, но передвигающиеся по вагону люди прижали его к поручню. Отчаянно работая локтями, Превезенцев выскочил из трамвая и скрылся в толпе.

То, что с одним из пассажиров что-то не в порядке, поняли только минут через десять. Когда в вагоне стало немного свободней, тело сползло на пол, и одна из старушек высказала предположение, что у парня что-то с сердцем. «Нажрался с утра пораньше!» – сказала вторая.

Только на конечной, возле вокзала, когда контролеры, привычно блокировав все двери вагона, стали проверять билеты, оказалось, что лежащий не реагирует на обращение и, кажется, не дышит. Его вынесли на тротуар, кто-то вызвал «скорую». Приехавший через полчаса врач констатировал смерть, видимых причин смерти не обнаружили. Только через несколько часов, в морге, при тщательном осмотре тела было обнаружено небольшое пятнышко запекшейся крови.

К тому моменту, когда в убийстве не осталось ни малейшего сомнения, Гена Превезенцев уже был в Днепропетровске. Мать поинтересовалась успехами в школе, а отец отправил готовить уроки. Деньги за поездку в Запорожье Гена спрятал за кассетами на полке возле письменного стола. Он собирал деньги на классную аудиоаппаратуру.

21 февраля 1995 года, вторник, 19-25 по Киеву, Город.

Информацию о беседе с Фрейдманом Вадим воспринял без комментариев. Сообщение о готовности Фрейдмана сотрудничать со всеми желающими встретил умеренно оптимистично. Диктофона я Главному слушать не давал, даже не упоминал о его существовании. Пуганый я стал. Пуганый и осторожный. Насколько мне этого хватит – судить трудно. Но на сегодня с меня достаточно. И вообще, у меня масса работы по подготовке номера. Завтра все должно быть сдано на верстку, а у меня в отделе, как обычно, бардак и совершенно не творческий беспорядок.

Так что остаток рабочего дня мне пришлось возиться с рукописью Примаченко, который своим почерком сводит с ума набор, а лексикой – меня и литературного редактора. Была бы моя воля – выпер бы Примаченко к чертовой бабушке. Но у паразита есть связи в медицинской сфере и информацию он приносит интересную.

Дымченко отсутствовал почти весь день, что свидетельствовало о кропани материалов на статью к двадцать третьему февраля. Я преподнес ему свой материал о военной доктрине Украины двухлетней давности, а он отправился в одно бывшее военное учебное заведение, где когда-то учился. Преподаватели по старой памяти еще любили его. Я, собственно, тоже. При всей внешней простоте и непосредственности, граничащих с наивностью, Женька обладал хваткой и напористостью. Не знаю, какого офицера в его лице потеряла армия, но журналист из него мог получиться неплохой.

К 17-00 он прибыл в редакцию и клятвенно пообещал мне, что статья о нынешнем состоянии украинской армии будет ровно к 19-00. Обещание свое он сдержал с опозданием на двадцать минут. Но настроения цепляться к Женьке из-за ерунды у меня не было. И, кроме все прочего, его нужно было просто успокоить. Дымченко оставался единственным из действующих лиц, кто не знал о заключенном перемирии,

– Ты, Женя, не переживай и спи спокойно. Можешь еще спокойно есть, пить и гулять. Только не забывай о работе. Конфликт улажен на самом высоком уровне. Мы больше не знаем о существовании никаких банков, фондов и корпораций. Мы занимаемся милыми и простыми убийцами, ворами и мошенниками. До следующих указаний. Я сам чувствовал себя несколько успокоенным: удалось практически без потерь решить сложную проблему и не вляпаться в новую. Хотя, конечно, немного обидно. Иметь на руках такую бомбу и молчать в тряпочку. Но

совершенно ясно, что никто в Украине не станет публиковать подобный материал, а если кто и согласится, то вряд ли я сам решусь на его публикацию. Тайна псевдонима – это еще одно из заблуждений эпохи демократии. Совершенно понятно, что корешки тянутся к вершкам, а контролировать, как высоко эти вершки забрались, – один из самых изощренных способов самоубийства.

– Точно, никаких проблем не будет? – переспросил Дымченко.

– Никаких, – почти по буквам, раздельно произнес я.

– Тогда я позвоню в Запорожье и передам приятелю, что все в порядке. Я ему вчера перезванивал – он тоже волнуется. Мало ли что у него там произойдет с работой. Еще выпрут за разглашение коммерческой тайны. – Женька отправился звонить с редакционного телефона. Сам он обитает в общежитии института, куда его пристроили за хорошее отношение, символические деньги и много бутылок водки коменданту общежития. Так что все как личные, так и деловые междугородные, звонки – из редакции.

Я придвинул к себе статью Дымченко. Заголовок сразу придется менять, на треть статья моя хоть и двухлетней давности, но, в общем, читать можно. И, что самое главное, можно публиковать.

– Знаешь, товарищ Дымченко, твой класс растет, и еще лет двадцать... – начал я, но выражение лица Жени Дымченко меня остановило.

– Ты что, привидение увидел?

– Убили Сережу.

– Како... Прости, что, твоего друга, в Запорожье?

– Я с мамой разговаривал. Его днем в трамвае ударили в печень чем-то вроде шила. Говорят, умер сразу. Непонятно, за что, почему. Его маме сказали, что, может, он с карманниками зацепился. А они и ударили.

– Женя, ты никому не говорил о том, что информация о банке пришла от Сергея?

– Нет, только тебе.

– Я тоже никому не говорил, можешь мне поверить.

Женька сел на стул слева от моего стола и замолчал. Я тоже молчал. Может быть, и правда – случайно подвернулся под шило охранник запорожского банка «Скарб»? Не хотелось думать о том, что мы стали причиной его гибели. Как его вычислили, да еще так быстро? Зачем было убивать, ведь дело полюбовно закончилось? Я ехал в Грибов, беседовал с Фрейдманом, а Серега, я даже его фамилии не знаю, был еще жив и ехал в трамвае к своей смерти.

– Ладно, Женя, ты иди. – Женька, как лунатик, молча поднялся со стула и вышел.

Почему? За что – понятно. Но почему и как его вычислили? Я вынул из сумки диктофон, перемотал пленку. Диктофон сильно шипел при воспроизведении, но голос Фрейдмана был слышен четко: «...Вокруг столько всего происходит. На улицах убивают людей просто так, за старую шапку».

На улицах убивают людей, просто так... Это случайно сказал Фрейдман или не случайно? Не может человек такого уровня принимать подобных решений. Вряд ли он дал приказ убрать болтливого охранника. Да и не наказанием было это, скорее всего, а предупреждением нам, живущим. И выходит так, что погиб Сережа от того, что держали мы его имя в секрете. Не прозвучало оно в статье. Тогда бы его просто уволили. А так ничего я не смогу доказать. Ничего.

И кроме всего прочего. У нас перемирие. Мы не пишем больше о банке «Скарб».

Чувство полной безысходности. Господи, что происходит вокруг? Почему нельзя просто пошевелиться, чтобы не наткнуться на еще одну кучу дерьма или лужу крови? Или это талант у меня такой, или не осталось у нас сейчас безопасных расследований? Похоже, что гниет все, сверху донизу, и только наши, тренированные носы перестали чувствовать эту вонь. Ненавижу! Осталось сделать последнее. Я не могу публиковать ничего из накопленного, но я никому не обещал, что сожгу всю информацию.

Есть еще Володя Косарев, мой бывший ученик. Он сейчас работает в службе безопасности Украины. И, если не врал, обеспечивает именно экономическую ее безопасность. На работе иногда Володя сидит допоздна. Так что шанс перехватить его по телефону у меня есть.

Телефон редакции был, как обычно, занят. Наш корректор Татьяна Васильевна в который раз объясняла сыну, где находится ужин. Наконец телефон освободился. Я снял трубку, открыл записную книжку на букву К, но тут, повинаясь какому-то инстинкту или неосознанному порыву, внезапно набрал свой домашний телефон. «Слушаю», – как обычно сказала жена.

– Таша, это я. Мне никто не звонил?

– Нет. Ты скоро будешь?

– Задержусь немного, буду часов в девять.

Я оделся и отправился звонить из телефона-автомата. Во вторник 21 февраля 1995 года впервые стал ощущать, что вокруг меня происходит что-то опасное.

21 февраля 1995 года, вторник, 22-00, Москва.

Виктор Николаевич вызвал к себе Михаила неожиданно. Тому пришлось срочно бросать дела и нестись на другой конец Москвы. Обычно встречи назначались заблаговременно и проходили, как правило, либо в кабинете у Виктора Николаевича, либо на улицах города. Сейчас Виктор Николаевич вызвал на частную квартиру, которой пользовался в особых случаях.

Миша открыл дверь своим ключом. Свет горел только на кухне – это Миша заметил со двора. Виктор Николаевич, что поразило даже Михаила, возился у плиты. На кухонном столе стояли сахарница и чашки.

– Здравствуйте, Миша, – оборачиваясь, поздоровался Виктор Николаевич, – чайку хотите?

– Здравствуйте, Виктор Николаевич, очень хочу. На улице мокро, холодно и мерзко.

Михаил устроился у стола и молча наблюдал, как Виктор Николаевич разливает заварку и кипяток по чашкам.

– Сахар можете положить па вкусу, – сказал Виктор Николаевич, помешивая у себя в чашке. – Сто лет не сидел вот так на кухне за чашкой чая. Утеха целого поколения – посидеть на кухне с приятелем и потрепаться на околотовские темы. Чаще всего на политические. Мы это называли «вечерним чаизмом».

Михаил тактично не перебивал и ждал, когда начальник перейдет к делу. Но тот не торопился.

– В нашей работе одно из самых неприятных, на мой взгляд, явлений – это то, что приходится защищать интересы народа и при этом жить не так, как этот народ живет. Вот так мы превращались из людей в карающий меч и надежный щит. Вы думаете, мы могли себе позволить тратить время на пустую болтовню и праздные разговоры? Расклад очень простой – или ты пытаешься поймать своего собеседника на фальши, либо твой собеседник. Пешеходные прогулки, прогулки по городам – не для того, чтобы познакомиться с достопримечательностями, а чтобы убедиться, что сзади никто не идет. Миша, вам нравится ваша работа?

Михаил спокойно отпил чай из чашки и вопросительно посмотрел на Виктора Николаевича.

– Согласен, – кивнул Виктор Николаевич, – вопрос действительно странный. И неуместный. Что у нас по Чечне?

– Никаких изменений. Наши наблюдатели ползают рядом, следят и докладывают. Всех, кто оттуда направляется в населенные пункты, проверяют негласно. Пока никто из обработанных не выявлен. Точно также не удалось выяснить точного места акции.

– Что наши украинские коллеги?

– Наши украинские коллеги продолжают действовать нелегально. Группа ведет самостоятельный поиск. Связь со своим Центром поддерживает независимо от нас. Не исключено, что через них идет военная информация.

– Ну, Миша, за все нужно платить. В конце концов, и им нужно как-то объяснить перед своим руководством, что они делают на чужой территории. Как себя ведет журналистский корпус в Чечне?

Миша допил чай и отодвинул чашку:

– Копают информацию, производят съемки, передают сообщения о зверствах российских оккупантов – все как обычно. К району наших интересов по «Союзу» особенно не приближаются. Мы установили явный интерес к «Союзу» пока только у троих. Две съемочные группы и фотокорреспондент. Их очень интересовало здание, где раньше находилась лаборатория.

– Что-нибудь нашли?

– Нет, тем более, что от дома осталась лишь куча обломков. Рвануло совсем недавно. Официальная версия – сработала неразорвавшаяся авиабомба. Есть пара нюансов, кроме этого.

– Например? Еще чаю? – спросил Виктор Николаевич.

– Спасибо, не нужно. Мне кажется заслуживающим внимания тот факт, что практически все прибывшие в Чечню добровольцы так или иначе оказываются недалеко от района Чеченского центра. Не исключено, что среди них отбирают возможных кандидатов на обработку. Но пока нет никакой информации.

Виктор Николаевич встал из-за стола и подошел к плите, налил себе чашку чая.

– Это мы постараемся выяснить. Насколько мне известно, украинские разведчики включают нелегально в такие группы своих людей. Если в этом направлении что-нибудь делается, то мы будем знать. В Киеве тоже будут не особенно счастливы получить обработанных боевиков. Так что тут у нас интерес общий. Но вызвал я вас сюда не за этим. И даже не для того, чтобы попить чаю. Нам с вами, Миша, сейчас нужно будет принять одно решение, которое, как я подозреваю, может иметь далеко идущие последствия.

Виктор Николаевич встал, подошел к окну и присел на подоконник, скрестив руки на груди.

– Александр Павлович, судя по всему, решил использовать нашего украинского журналиста в качестве подсадной утки. Он, по-видимому, решил, что откуда бы ни происходила та информация об убийстве, ее существование заставит прийти в движение некие силы. И нас в том числе. Я совершенно с ним согласен. Даже если этот Заренко высосал все из пальца, а наши аналитики не исключают этой вероятности, он уже попал в поле зрения заинтересованных групп. И это нужно использовать. Один из возможных вариантов – можно сделать вид, что это наш человек, что это мы дали ему информацию. Теперь, когда он так засветился, любая опубликованная им строчка будет тщательно анализироваться. Таким образом, скормившая ему нужную нам информацию, мы приобретаем рычаг воздействия на обстановку в Украине. И не только. После того, как вокруг него засуетятся, мы сможем попытаться понять, кто там возится вокруг «Союза» и «Спектра». И заодно активизируем нашу работу по осколкам «Сверхрежима».

– Простите, Виктор Николаевич, но я, честно говоря, не совсем понимаю, что именно вас так заинтересовало в этом газетчике. И даже если мы проведем эту операцию с подсадкой, то максимум, чем это нам грозит, – потеря самого журналиста. И все. Но даже в этом случае я не понимаю, почему выбор остановился именно на нем.

– Есть у меня предчувствия, Михаил. Их не подошьешь к делу и не прогонишь через компьютер. Вы наверняка знаете, что в стеклах есть точки напряжения. Ткнешь туда легонько, а стекло разлетается вдребезги. Так вот, вольно или не вольно, но этот корреспондент стал такой точкой. Все складывается очень удачно для использования его именно в этом качестве.

Практически без усилий мы сможем через него связать «Спектр» с «Союзом» и «Сверхрежимом». Его связи позволяют непрямо вывести его на нужную информацию. И когда он только двинется, все ниточки связей придут в движение. И если мои предчувствия подтвердятся хотя бы на треть – может взорваться все с такой силой, что даже нас с вами зацепит. Почему я говорю об этом с вами? Дело в том, что, в случае вашего согласия, раскручивать этого журналиста придется вам. И я уже сейчас могу гарантировать вам повышенную опасность.

– Виктор Николаевич, вы меня просто запугиваете, похоже. Мы ведь с вами не в отделе социальной защиты, – улыбнулся Михаил, – справлюсь.

– В этом я как раз не сомневался, Миша. Старость, наверное, подступает. Становлюсь сентиментальным. И начинаю верить в предчувствия.

Прощавшись, Михаил вышел на улицу и сел в машину. Он мог поверить в самую невероятную внешне новость. Но в сентиментального Виктора Николаевича...

Неприятно, когда тебя используют, но время все исправляет.

Глава 8

22 февраля 1995 года, среда, 11-30 по Киеву, Город.

Володя Косарев свое вчерашнее обещание выполнил. С утра пораньше он встретился с коллегой, курирующим именно объединение «Электрон». На всех оборонных предприятиях все еще продолжают работать молчаливые парни из Службы безопасности. В свете последних событий я вообще не понимаю, зачем это нужно, но инерция всех отечественных построений принимает иногда самые необычные формы.

Вчера вечером мы с Володей встретились на троллейбусной остановке и переговорили. Я рассказал ему все, даже о запорожском убийстве. Он молча выслушал, кивнул.

– Я ничего тебе не обещаю. Завтра в половине двенадцатого давай встретимся, а я к тому времени передам твою информацию и, может быть, что-нибудь узнаю.

И узнал. Мы шли по пустынной аллее от ресторана «Каскад» к Оперному театру и Володя делился со мной информацией для служебной пользования.

– Он работает по Фрейдману. Собирает материал, пишет докладные. Об акционировании знал уже давно. Более того, он даже умудрился выяснить, что конкретно собираются выпускать американцы на «Электроне». Ты не хочешь знать, что именно?

– Ну уж, во всяком случае, не начинку для космических кораблей.

– Откуда такая уверенность? У тебя что – свой человек в правлении завода?

– У меня мозги в голове. Если американский инвестор – звезда космических технологий, то на кой ляд ему развивать украинскую космическую промышленность? Мне вообще кажется, что вся эта акция с «Электроном» имеет два направления – переориентировать его на выпуск ширпотреба и не позволить России подключить «Электрон» к своей космической программе. Россия потерю «Электрона» наверстает и компенсирует. Но это будет стоить денег и времени. А бизнес на месте не стоит.

– Неофициально тебе скажу – ты угадал. Что-то вроде этого сейчас и происходит. Так что сам понимаешь: максимум, что мы сейчас можем сделать, – это прибавить твою информацию к уже существующей. И ждать.

– Чего ждать? Явления Христа народу? Когда американцы вкупе с уголовниками скупят все, вплоть до армии? А потом что?

– Мы ждем приказа. Вот так просто работаем и ждем приказа. Раньше только писатели писали в стол. Сейчас мы исписываем целые горы макулатуры и передаем все это в архив.

Володя остановился и закурил. Я огляделся по сторонам. Метрах в ста гуляла мамаша с коляской. Тихо и спокойно.

– Я тебе расскажу одну историю, так, не для печати, а для общего развития. Ко мне недавно приятель приезжал. У них в городе праздник – новый начальник милиции. Перевели его туда из нашей системы. А в нашу систему попал из милиции. Жутко забавная история получилась. Отдел, в котором работал мой приятель, иногда называют отделом «К», сокращенно от «коррупция». И они очень плотно работали по начальнику отдела борьбы с экономическими преступлениями. Столько было всего накоплено – ужас. Можно было не просто начинать расследование, а сразу брать с полочным. А потом этого начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями из милиции перевели в СБУ, и знаешь, на какой пост?

– Начальником городского СБУ.

– Это было бы печально, но не смешно. Он стал начальником отдела «К». Половина ребят сразу же подала в отставку, половина заткнулась. А вот теперь его снова возвращают на работу в милицию, только теперь уже начальником. У них там у всех праздник теперь. Ужасно раду-

ются, – Володя отбросил окурок и зябко потер руки. – А еще нам запретили постоянное ношение оружия. Для того, чтобы получить свой табельный пистолет, нужно написать рапорт, в котором необходимо пояснить, для какой-то цели он тебе нужен и с чего ты решил, будто тебе угрожает опасность. Вот такие пироги.

– Вот такие пироги... – повторил и я. – Ты, Володя, просто зарядил меня оптимизмом. Просто петь хочется от радости за наше великое и свободное государство.

– И не только за наше. Ты думаешь – у россиян намного лучше?

– У них хоть какие-то действия происходят, кого-то ловят.

– У нас тоже. Ты милицмейские сводки читаешь?

– Имею счастье.

– Что тебе показалось самым странным во всех этих раскрытиях и задержаниях? Так я тебе подскажу. Опять-таки, неофициально. Самое странное во всех милицмейских сводках – мизерное количество изъятых наркотиков, перехваченных грузов и изъятой контрабанды. Мы же самый крупный железнодорожный узел в целом регионе. И мы находимся на самой границе, и одновременно на пути из России и в Россию. А ловим – там килограмм, там грузовик. У нас очень тихий город. Слишком тихий для такого крупного промышленного центра и огромной численности населения У нас как на западном фронте у Ремарка «Без перемен!». Нам на гербе города нужно поставить это самое «Без перемен». Потом можешь назвать меня идиотом, но эта тихая заводь может оказаться пороховой бочкой. Рванет так, что мало никому не покажется.

Мы молча прошли к метро, и Володя, попрощавшись, ушел. Я бесцельно побродил по площади, через парк снова вернулся к «Каскаду». По небу несло обрывки туч, подмораживало. Все-таки, февраль есть февраль. Я вытащил из сумки диктофон, перемотал ленту. «Вокруг столько всего происходит, – сказал голос Фрейдмана, – на улицах убивают людей просто так, за старую шапку».

«Столько всего происходит!» – еще раз повторил диктофон. Я вынул кассету, рванул из нее ленту и запустил по ветру словно серпантин. «Без перемен!» – захотелось крикнуть мне изо всех сил. Но я промолчал.

Нужно идти в редакцию и заканчивать свою полосу. Отдел расследований должен поддерживать свою марку и находить сильные материалы и острые темы для любимого читателя. На столе лежит Женькина рукопись, а сам он едет в Запорожье. У нас все спокойно и тихо. По сравнению с Россией мы – провинция, без каких-либо громких процессов и шумных скандалов. Мы спокойны и уравновешенны.

Наступает иногда у меня такой момент, когда хочется бросить все, завалиться на диван и не вставать. Отгородиться от всего одеялом и уснуть. А потом проснуться, как в детстве, а болезнь уже прошла, уже все хорошо, и голова не болит, и не знобит.

А потом понимаешь, что надо все равно работать, вернее, зарабатывать. Жена и дети – достаточно веские причины для того, чтобы продолжать жить, и для того, чтобы продаваться. Можешь психовать и срываться, можешь скрежетать зубами, а все равно пойдешь и будешь писать статью или делать интервью о том и так, о чем и как прикажет редактор. Более того, еще и сам прикрикнешь на корреспондента, влезшего не в те дела или не под тем углом их подавшим.

Конец лирики. На работу шагом марш, шаг влево – шаг вправо считается попыткой самоубийства. Когда Женька вернется из Запорожья, скажу ему, что передал всю информацию в компетентные органы. И самое смешное, что ни капли при этом не совру. Действительно, только правда, правда и не вся правда. Завтра – День Советской Армии. Великолепный повод, чтобы напиться. Жаль, что не пью.

23 февраля 1995 года, четверг, 10-00, Москва.

– С праздником всех советских мужчин, дорогой Виктор Николаевич, – приветствовал Александр Павлович входящего в кабинет, – если бы я не знал точно, что в рабочее время вы не пьете – предложил бы вам выпить по этому поводу весьма неплохого коньячка.

Виктор Николаевич пожал протянутую руку и сел на стул возле письменного стола Александра Павловича.

– Вы верите в символические значения некоторых событий, Виктор Николаевич? – улыбаясь спросил Александр Павлович.

– Мне случалось замечать некоторые совпадения.

– Вы, как всегда, очень осторожны в выражениях, Виктор Николаевич. А я вот, знаете, несмотря на всю суровость нашей с вами действительности, остался романтиком и продолжаю верить в приметы и символы. И что самое замечательное, жизнь продолжает убеждать меня в правоте этих моих сентиментальных привычек. Не могу рассматривать иначе как символическим тот факт, что наше высокое руководство именно сегодня с утра пораньше приняло решение о проведении операции по уничтожению Чеченского центра. И даже установило нам конечный срок – первого марта сего года мы должны отрапортовать о результатах. Причем только о положительных.

– Насколько я помню, мы предполагали вначале поддержать Центр под наблюдением. И только потом принимать меры. А такая торопливость может только повредить.

Александр Павлович встал и прошелся по кабинету, нервно потирая руки.

– Наши политики решили, что лучше будет пресечь деятельность Центра на этапе подготовки, чем отлавливать его выпускников по всей Руси великой. Более того, наши отцы народа решили из всего этого устроить интернациональное шоу. К разбору материалов решено пригласить представителей спецслужб сопредельных государств. Продемонстрировать, так сказать, последствия неконтролируемой интернациональной помощи.

– А если мы не получим информацию подобного рода? Ну, уничтожат они архивы. Или у них таковых вообще нет? – Виктора Николаевича, на самом деле, не столько интересовал ответ, сколько реакция собеседника. Александр Павлович не скрывал своего хорошего настроения:

– Кто-то внушил нашим руководителям мысль, что нужная информация будет получена в любом случае. Да и что, в самом-то деле, неужели наши орлы не справятся с элементарной полувоенной операцией? Нам обещали поддержку армии в неограниченном количестве. Вообще, все должно выглядеть как операция военных по очистке местности. Центр будет найден случайно.

– У нас есть пять дней – вы считаете этот срок достаточным? – поинтересовался Виктор Николаевич.

– Так считает высшее руководство. А значит, так оно и есть. В любом случае, если, паче чаяния, чисто сработать не удастся, мы с вами сможем со спокойной совестью списать это бельмо. И все будут довольны, – Александр Павлович посерьезнел, – и у меня совсем нет желания вдаваться в подробности высокой политики. Наша с вами задача – выполнять приказы и обеспечивать деятельность наших государственных и политических структур.

– Наша с вами задача – защита интересов Родины.

– Виктор Николаевич, высокопарность очень часто вредит работе, – с иронией сказал Александр Павлович.

– Это не высокопарность, – устало сказал Виктор Николаевич, – это не высокопарность... Кто отвечает за операцию?

– За операцию отвечает... За операцию отвечаю я, – настроение у Александра Павловича немного испортилось, и тон его стал официальным, – так что вы, Виктор Николаевич, пожалуйста, передайте моим людям все свои наработки. Очень жаль, что этот ваш помощник, Михаил, сейчас, кажется, уехал в Украину. Его опыт был бы очень полезен. Он ведь там лично побывал.

– Если хотите, мы можем его срочно отозвать.

– Упаси Бог, как ни парадоксально все это звучит, но у нас центр интересов постепенно перемещается все ближе к Европе. Пусть ваш человек продолжает работать. Кстати, как у него складываются отношения с украинскими коллегами? Если нужно, я могу его подстраховать. У нас есть возможность.

– Не премину воспользоваться. Но пока все идет нормально, да и пора уже проверить «Спектр» в действии. Вчерне, в качестве наброска.

– У меня складывается странное впечатление, Виктор Николаевич. Погибли, между прочим, ваши люди. Под угрозу поставлена ваша операция на Балканах. И вместе с тем, вы ведете себя слишком спокойно. Или это такое железное самообладание?

– Мы с вами оба очень хорошо представляем специфику нашей работы. Потери в ней совершенно неизбежны, особенно в той обстановке, в которую все мы с недавнего времени попали. И раз уж у нас возникла такая лирическая пауза, я хочу у вас спросить то, что уже давно хотел спросить, – Виктор Николаевич сделал паузу и вопросительно посмотрел на Александра Павловича.

– Неужели есть вещи, которых вы не знаете? – с ироничным удивлением поинтересовался Александр Павлович. – О вашей обычной осведомленности складываются легенды. Если что-то не знаете вы лично, то это выяснят ваши люди.

– Представьте себе, Александр Павлович, – ответил Виктор Николаевич и встал. – Я не знаю, как вы на самом деле ко всему этому относитесь и какую задачу вы ставите перед собой. Помимо обслуживания политических интересов тех, кто наверху. Но это, как я понимаю, вопрос чисто риторический. До свидания, Александр Павлович. Удачи вам. И с праздником защитников Отечества.

Александр Павлович не ответил.

Газета «Еженедельные ведомости», № 8, 24 февраля—2 марта 1995 г .

Праздник со слезами на глазах: меняются праздники и армии.

Целых два года обходилась независимая Украина без собственной военной доктрины. И политики, и генералитет спокойно рассуждали о независимости и самостоятельности, великолепно обходясь без определения таких незначительных объектов, как потенциальные противники. Только известные события октября 1993 года заставили украинское руководство обнаружить столь необходимый военно-политический документ, как «Военная доктрина Украины». Прошло полтора года с этого знаменательного момента, и единственное, что можно смело сказать о Вооруженных силах Украины, это то, что они практически полностью соответствуют военной доктрине.

С первых же строк доктрина провозглашает, что «...имеет оборонный характер, Украина исходит из того, что она не является потенциальным противником ни одного конкретного государства». Пикантность формулировки состоит в том, что наше государство расписывается за все страны мира. Никто нас не считает потенциальным врагом, слава Богу. Похоже на то, что авторы доктрины уверены в хорошей информированности мировой общественности о состоянии национальных вооруженных сил. Попытка определить своего потенциального противника вылилась в гибко-растяжимую формулировку: «...своим потенциальным противником Украина будет считать государство, последовательная политика которого представляет военную опасность для Украины, ведет к вмешательству во внутренние дела Украины, покушению на ее территориальную целостность и национальные интересы».

Под эту формулировку могут быть подогнаны либо все государства планеты, либо ни одно. Политики расписались в полной неспособности предвидеть развитие политической ситуации и практически обрекают военных на выбор: разрабатывать новую доктрину уже в процессе боевых действий, буде они начнутся, или определить для себя потенциального против-

ника самостоятельно, негласно готовить вооруженные силы к боевым действиям, не ставя в известность Верховный Совет и народ Украины.

Хотя, с другой стороны, зачем вообще определять потенциального противника, если «главная цель Украины в возможной войне состоит в отражении вооруженной агрессии, защите государственного суверенитета, политической независимости, территориальной целостности и скорейшем прекращении политическими и дипломатическими средствами военных действий».

В этом случае Украине очень нужны быстрые дипломаты. По мнению некоторых старших офицеров украинской армии, для дипломатического решения военного конфликта у дипломатического корпуса – всего лишь две-три недели. Именно столько времени сможет продержаться украинская армия в случае боевых действий против любого противника. В настоящий момент украинская армия представляет собой скопище людей в форме, флот, изношенный на 80%, и авиацию, изношенную на 90%.

Но никто не собирается шибко воевать, чтобы отразить супостата. Мы его попытаемся уговорить, пока он будет перемалывать нашу героическую армию. В любом случае территориальные размеры Украины и ее густонаселенность не позволяют совершать армии масштабные маневры в ходе боевых действий. Вести боевые действия Украина может только в союзе с одним или несколькими сопредельными государствами. Иначе говорить о безопасности для населения или возможности эвакуации в тыл промышленного потенциала нельзя, ввиду того, что современная гаубица, установленная, скажем, в Белгородской области, сможет поражать своим огнем объекты в Донбассе.

Белгородская область упомянута не случайно. Некоторые силы на Украине рассматривают Россию как реального претендента на почетное звание потенциального противника. Что немаловажно, скажем, для жителей приграничья. Если учесть, что расстояние от границы с Россией такое же, как от нас до ближайшего украинского танкового соединения.

Стартуя в одно и то же время, украинские и российские танки неизбежно встречаются в районе города. Чтобы предотвратить встречный танковый бой на его улицах, предусмотрительными военными определены два рубежа встречи, куда потом благодарные горожане смогут приносить цветы воинам любой из армий. При условии, что их выпустят из города бойцы Национальной гвардии, действующие по плану «Рубеж».

Самое поверхностное знакомство с положением Украинских вооруженных сил свидетельствует об их полной ненужности для руководителей страны и неспособности выполнять свои задачи. Если отбросить такие несущественные детали, как отсутствие горючего и боеприпасов, изношенность техники и необученность личного состава, многие сомневаются в желании армии пролить кровь за государство, всеми силами стремящееся продемонстрировать свое негативное отношение к собственной обороне. Словно кто-то пообещал Киеву необходимую защиту в случае кризиса. Интересно – кто и на каких условиях? Если правда то, что музыку заказывает тот, кто платит, значит, кому-то выгодно исключение Украины из списка государств, способных к эффективной самозащите. Или кто-то хочет нас завоевать, или кто-то желает нас облагодетельствовать. Кто же этот неизвестный?

Александр Заренко, Евгений Дымченко.

24 февраля 1995 года, пятница, 12-00, Москва.

– Нам что-то нужно предпринимать по отношению к Виктору Николаевичу. У меня сложилось впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не высказать всего, что у него накопилось по поводу нашей деятельности.

Александр Павлович нервничал и, что самое обидное, осознавал, что именно это состояние становится для него основным в последнее время. Он не анализировал причин, но раздра-

жение поднималось все чаще и чаще. Иногда Александр Павлович не мог даже точно сказать, кто больше раздражал его: Виктор Николаевич или Монстр. Реакции и того и другого были обычно непредсказуемыми, и хотя один из них был его союзником, а второй – противником, общаясь с обоими Александр Павлович ощущал дискомфорт и скрытую угрозу. И это злило его еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.